

РОБЕРТ
МАККАММОН

СЛЫШАШИИ

Мастер,
который
завораживает
читательскую
аудиторию
каждой фразой.

Amazon.com

The Big Book

Роберт Маккаммон

Слышащий

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Маккаммон Р.

Слышащий / Р. Маккаммон — «Азбука-Аттикус», 2018 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-19598-1

Кертис Мэйхью, паренек, живущий в гетто Нового Орлеана и работающий носильщиком на железнодорожной станции, среди своих прославился как человек, способный уладить любую ссору. Но никто не догадывается о его истинном таланте. Кертис может слушать... чужие мысли. В отчаянные времена всегда хватало негодяев, готовых добыть денег любым способом. Мужчина с ангельским лицом и заезжая торгашка, оставив свои мелкие аферы, решают пойти ва-банк и похитить детей известного дельца. Вскоре Кертис услышит детский крик о помощи – и в этот миг самым роковым образом изменится его судьба. Роман, который вполне можно сравнить со знаменитым «Сиянием» Стивена Кинга, был награжден престижными премиями «Локус» и «Это – хоррор».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-19598-1

© Маккаммон Р., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Часть первая. Мужчина с ангельским лицом	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Роберт Маккаммон Слышащий

Robert R. McCammon
The Listener

© 2018 by Robert R. McCammon

© А. В. Третьяков, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть первая. Мужчина с ангельским лицом

Глава 1

Пути Дьявола неисповедимы. Он может овладеть душой как мужчины, так и женщины. Дьявол вездесущ и многолик: ему сослужат службу и жесткая пружина в сиденье машины, и мошка в глазу, и удар полицейской дубинки по прутьям тюремной камеры, и вспышка молнии, и глоток паршивого виски, и яблоко, сгнившее в корзине свежих фруктов, и ремень, которым порют ребенка. Дьявол может затаиться и в коробке с дешевыми Библиями, что пухнут от жары на заднем сиденье выгоревшего на солнце зеленого двухдверного седана «окленд», который за восемь долгих лет службы не развалился лишь потому, что местами приржавел как следует, да кое-где был вовремя прихвачен проволокой.

На этот раз Дьявол и в самом деле оказался именно там.

За рулем автомобиля восседал мужчина с ангельским лицом. На вид ему было лет тридцать с небольшим. Блондин. Волосы кудрявые, коротко подстриженные. Глаза серые, цвета летней дымки. Лицо красивое, но скорбное – с глубокими складками у рта. Одет он был в идеально отглаженные белоснежные брюки и накрахмаленную сорочку с плиссированной планкой. Поперек узкого черного галстука блестел серебряный зажим в форме молитвенно сложенных ладошек. На растрескавшемся кожаном сиденье лежали белый пиджак и соломенная шляпа-федора с черной лентой. Руки на руле седана были мягкими; физический труд явно придумали не для этого человека: рыть канавы за доллар в день под палящим техасским солнцем, превращающим людей в ходячие трупы, он определенно не собирался. А тяжелые времена надеялся пережить, полагаясь на ум и смекалку.

Имелась, правда, одна загвоздка: времен лучших он отродясь не знал.

На своем выдавшем виды автомобиле мужчина ехал по изрытой колеями дороге, прорезавшей сосновый лес. Под правым локтем водителя лежала нарисованная от руки карта, на которой он чернильными крестиками отметил нужные городки и фермы. Первая ферма уже совсем близко, но остановок запланировано много, так что километраж «окленду» предстоит накрутить нешуточный.

Белоснежная сорочка намокла от пота. Вздохнуть полной грудью не получалось. Ветерок, задувавший в салон автомобиля, совсем не освежал. Воздух был пропитан запахом гниющих персиков. Этот сладковатый аромат будил в мужчине с ангельским лицом смутные воспоминания, но он гнал их прочь.

«Человеку будущего не пристало думать о прошлом, – рассуждал он. – Выжить в этом старом жестоком мире можно только одним способом. Нужно уметь сбрасывать кожу, как змея, и никогда не останавливаться: скользить от камня к камню, от тени к тени, чтобы не стать добычей других хищников».

Шла первая неделя июля 1934 года. Почти пять лет минуло с тех пор, как 29 октября грянул Черный вторник – Биржевой крах 1929 года – и отправил экономику страны на дно. Рынок ценных бумаг рухнул, точно картонный домик. Банки закрывались один за другим. Распахнутые окна Уолл-стрит приглашали разорившихся богачей попытать счастья на том свете. Как только окошки касс, до этого щедро сыпавшие долларами, захлопнулись, сотни предприятий прогорели. Долги росли как на дрожжах, повсеместно арестовывалась недвижимость. На фоне всеобщего краха – и рынка ценных бумаг, и банков – казалось, что наступившая зима выдалась по-особенному холодной, а следовавшее за ней лето – исключительно жарким. На пораженные засухой Великие равнины налетели сильные ветра. Пыльные бури уничтожили все фермерские поля. Жители еще вчера процветавших американских городов остались без

работы. В поисках лучшей доли сотни тысяч бродяг мыкались по стране: кто на товарняках, кто на своих двоих, а кто на едва живом автомобиле или грузовике.

И ни конца ни края не было видно этому жалкому существованию. Развлекательные радиопередачи вроде «Шоу талантов майора Боуза», «Американские пляски в амбаре», «Дуэт комиков Эймаса и Энди», «Одинокый рейнджер» и «Бак Роджерс в XXV веке» лишь ненадолго скрашивали тяжелую жизнь. Голоса ведущих, доносившиеся из ламповых радиоприемников, звучали весело и беззаботно, но мир за окном лежал в руинах. И даже пламенные речи президента Рузвельта особых надежд в сердца людей не вселяли. Экономический кризис разрушил прежний мир до основания. Но свято место пусто не бывает, и за строительство нового мира взялись предприимчивые Сталин и Гитлер.

Несмотря на все невзгоды, несмотря на палящий зной – на капоте автомобиля можно было жарить яичницу, – мужчина за рулем зеленого выгоревшего «окленда» чувствовал себя превосходно. Как говорится, еще утром при гроше, а уже к вечеру – в барыше: накануне наш герой наварился почти на тридцать баксов. По такому знаменательному случаю он заехал в центральное кафе Хьюстона и побаловал себя бифштексом с картофелем фри. Поужинав, мужчина с ангельским лицом обсудил новости с бродячим торговцем. «Поймает ли полиция похитителей малютки Линдбергов?» – вот вопрос, волновавший тогда многих. Об этом преступлении века – так его окрестили, ни больше ни меньше, – трубили на каждом углу еще с мая прошлого года. Про полуразложившийся труп ребенка с разможенной головой, найденный в поле неподалеку от дома Линдбергов, не слышал по радио или не читал в газетах только глухой или слепой.

Мужчина с ангельским лицом плевать хотел, поймают преступников или нет. «Кровь в этом мире всегда лилась рекой, – считал он, – так было и будет. А Линдберги сказочно богаты и уж как-нибудь да переживут утрату. Подумаешь, первенец погиб! Ну, родят себе еще парочку детей!» А похитителей он нисколько не осуждал: отчаянные времена требуют отчаянных мер.

«Окленд» вынырнул из тени сосен, перевалился через железнодорожные пути, миновал изрешеченный пулями ржавый знак городка Фрихолд и снова скрылся под прохладной сенью. Так наш герой и ехал: скользил, как змея, из тени в тень.

Дырявый дорожный знак навел мысли о Бонни Паркер и Клайде Бэрроу. «Вот это я понимаю! – подумал он. – Похищение сопляка Линдбергов и близко не стояло с подвигами Бонни и Клайда!»

Мужчина с ангельским лицом интересовался похождениями криминальной парочки с того дня, когда газеты впервые опубликовали их снимки. На пленке фотоаппарата, забытого преступниками в спешно покинутом логове в городке Джоуплин, Бонни и Клайд дурачились, позируя с револьверами и дробовиками. Наш герой следил за ними вплоть до самого конца, пока их не изрешетили, точно этот дорожный знак.

«Хорошо, что газетчики не подкачали и осветили все подробности, – думал он. – А копыто каковы! Интересно, правду писали, будто полицейские даже оглохли от стрельбы? Это ж надо догадаться: напасть вшестером на двоих! Дыр в беднях наделали столько, что бальзамировщик потом всю голову себе сломал. Эх, до чего жаль ребят!» – сокрушался мужчина за рулем седана.

Новости о грабежах, убийствах и прочих бесчинствах банды Клайда Бэрроу были для него глотком свежего воздуха. Но он прекрасно понимал, что везение не вечно: рано или поздно Бонни и Клайд все равно попались бы.

«Но судьбы этих двоих достойны уважения, – заключил мужчина, – а их пример весьма показателен: страна изменилась, люди устали молчать. Поэтому иногда, чтобы тебя услышали, можно и стрельбу устроить. Выбора-то особо и нет: либо ты простой скучный обыватель, либо ты крутой, но вне закона. И какие бы крепкие стены ни возводили вокруг Бонни, Клайда и им

подобных, они найдут способ взорвать все к чертовой матери и вырваться на свободу любой ценой, даже ценой собственной жизни».

Затем мысли его переключились на Джона Диллинджера, за подвигами которого следить было не менее интересно: «Этот неутомимый сукин сын копам пока не по зубам! С апреля Джонни залег на дно, но это не беда: рано или поздно он наведет шороху и вновь появится на первых полосах газет!»

Городок Фрихолд возник впереди совершенно неожиданно. Первое, что бросилось в глаза, – это церковь из красного камня на фоне вечно зеленого соснового леса. Возле церкви небольшое кладбище. Посреди кладбища статуя простирающего руки Иисуса. Мужчина взял вправо, и «окленд», позвякивая внутренностями, покатился в сторону одиноко стоявшей бензоколонки «Тэксако». Бак автомобиля был почти полон: водитель седана заправился еще вчера в Хьюстоне. Кроме того, он всегда возил в багажнике запасную канистру бензина. Мужчина подъехал к заправке и затормозил. Двигатель глушить не стал. Через пару мгновений появился паренек, прихрамывающий на правую ногу, обутую в специальный ортопедический ботинок на платформе. На ходу вытирая руки о масляную тряпку, парнишка поковылял к «окленду».

– Доброго утречка, сэр. Моторчик-то надо бы приглушить! Сколько вам залить? – спросил он.

– Бензин мне не нужен, – мягко ответил мужчина. Южный выговор придавал его голосу аристократическую изысканность и мелодичность. – А вот кое-какая информация очень пригодилась бы. Не подскажешь, как проехать к Эдсонам?

– Вы про семейство Тоби Эдсона?

– Ага.

– Так-с... Рулите сначала вон туда по Фронт-стрит: первый перекресток не ваш – это Вахаума-стрит; доезжаете до второго перекрестка и поворачиваете направо – это будет Шестидесятое шоссе. Так вот, километра полтора... нет, пожалуй, все-таки два, по нему едете, и как только увидите слева почтовый ящик Эдсонов, вы на месте!

– Премного благодарен. – Мужчина вытащил из брюк блестящую пятицентовую монетку и положил ее на грязную ладонь паренька. – Держи, это тебе за беспокойство.

– Спасибо, сэр, – сказал служащий бензоколонки и вдруг нахмурился. – Слушайте, ежели вы к Тоби по какому делу, то... боязно и говорить-то вам, но он это... в общем, того... На прошлой неделе еще преставился. В четверг схоронили. Сердце беднягу подвело.

– Вот те на! – ахнул мужчина. – Грустная весть, конечно, но моим делам она не помешает. Глядишь, я утешу там кого. Хорошего дня, сынок. – С этими словами он кивнул, включил передачу и тронулся.

Ничего особенного Фрихолд собой не представлял: обыкновенный городишко с пыльными витринами и с наглухо закрытыми ставнями окнами домов. Обогнав на Фронт-стрит фермера, правившего повозкой с дынями, наш герой вскоре увидел забегаловку «У Бетси». Рядом стояли парочка неизвестных моделей драндулетов и потрепанный «форд», переделанный местными умельцами в пикап. На скамейке у кафе сидели два пожилых джентльмена в комбинезонах и соломенных шляпах, внимательно наблюдая за приближающимся бледно-зеленым «оклендом». Водитель седана дружелюбно помахал им рукой, а они, конечно же, помахали в ответ.

Свернув на Шестидесятое шоссе, мужчина с ангельским лицом увидел знак, снимающий ограничения скорости, и поддал газу. Когда через пару километров и в самом деле обнаружился почтовый ящик Эдсонов, он крутанул руль влево и, съехав на грязную дорогу, покатил к дому, поднимая клубы пыли. Несколько мгновений спустя сосны расступились, и дорога побежала по лугу. Впереди, под сенью огромного дуба, белел дом Эдсонов. Неподалеку в загоне паслись коровы, а метрах в пятидесяти высился обветшалый амбар. Мужчина подъехал к дому, заглушил двигатель, подхватил белый пиджак, федору и, отлепив вспотевшую спину от кожа-

ного сиденья, выбрался из «окленда». Он надел шляпу, влез в пиджак, поправил галстук и воротничок – словом, прихорошился настолько, насколько это вообще было возможно после такой тряски по изнуряющей жаре. Затем осмотрелся. Взгляд его задержался на крыше, привязанной к нижней ветке дуба. Воображение тут же нарисовало картину: детишки Эдсонов, Джесси и Джоди, спасаясь от дневного зноя, играют в тени дуба, где царит приятная прохлада. Сетчатая входная дверь скрипнула, и наш герой увидел настороженное лицо замученной жизнью женщины.

– Доброе утро. Могу я вам чем-то помочь?

– Да, мэм. Думается мне, что можете. Это ведь дом Эдсонов, так?

– Все верно.

– У меня тут есть кое-что для вас и ваших детишек, – объявил мужчина с ангельским лицом и подошел к пассажирской дверце «окленда», скрывшись в облаке все еще клубящейся и сверкавшей на солнце дорожной пыли.

– Что, простите?

– Кое-что для вас и ваших детишек, – повторил он.

Мужчина открыл пассажирскую дверцу, наклонил спинку сиденья, вытащил из коробки Библию и быстрым движением сорвал желтую бирку с цифрой 1. Ярлычок бросил под сиденье, а книгу сунул в белый картонный, «под кожу», футляр с двумя тисненными золотом словами: «Священное Писание». После чего захлопнул дверцу автомобиля и, придав лицу подобающее ситуации выражение, направился к вдове Эдсон.

– Соболезную вашей утрате, мэм, – произнес он и склонил голову. – На заправке я узнал про постигшее вас горе.

– Тоби похоронили в прошлый четверг, – сказала женщина.

Мужчина внимательно осмотрел ее: светлые волосы, бледное вытянутое лицо, острый нос, ввалившиеся глаза...

«Дверь придерживает правой рукой, – насторожился он, – не исключено, что в левой пистолет, а то и дробовик...»

– Чего вам надо? – прервала его размышления хозяйка дома.

Выждав пару секунд, он ответил:

– Что ж... непростое времечко для вас настало, мэм! Уж кому, как не мне, знать, насколько тяжело вам сейчас...

Тут мужчина замолк. Послышался топот, и в следующее мгновение рядом с юбкой вдовы возникли двое белобрых ребятшек. Джесси с виду было лет восемь, а Джоди выглядела лет на одиннадцать или двенадцать.

«Не чумазные, опрятно одетые, – подумал он, – но до чего же худющие: просто кожа да кости. Видать, жизнь у них не сахар».

Дети уставились на гостя, разглядывая его с таким изумлением, точно он с луны свалился.

– Разрешите, я подойду к вам, мэм? – спросил он.

– Что вам надо? По всем счетам в этом месяце у меня заплачено. Моя совесть перед банком чиста!

– Мэм, в этом я ни секунды не сомневался, равно как и в том, что она чиста перед Господом Богом нашим и сыном его Иисусом Христом.

– Что? – растерянно моргнула собеседница.

– Позвольте объяснить, мэм, – произнес мужчина с ангельским лицом и поднял Библию в белом футляре. Прежде чем шагнуть, он помедлил, чтобы женщина как следует разглядела книгу. И как раз в этот момент со стороны амбара раздался собачий лай.

– Дотти соскучилась по щеночкам, – сказала мать детям, даже не взглянув на них: все ее внимание занимал белый футляр в руках незнакомца. – Давайте-ка отнесите их обратно.

– Ну, ма-а-ам, мы же только-только забрали их у Дотти... – начал было канючить Джесси, но женщина шикнула, и он замолчал.

Мужчина, расплывшись в приторной улыбке, дожидаясь окончания маленькой семейной драмы. Приглядевшись, он заметил в руках у каждого из ребят по щенку: один был темно-коричневый, а второй – чуть посветлее, с бежевыми пятнышками вокруг глаз.

– Какие малыши, – засюсюкал мужчина, все еще приторно улыбаясь. – Ну до чего же миленькие!

– У нас их целых шесть! – вытянув руки, чтобы гость лучше рассмотрел, воскликнул Джесси. – Только-только родились! С пылу с жару!

«С пылу с жару! – мысленно восхитился водитель „окленда“. – Видать, любимая при- сказка покойного папашки!»

– А ну, цыц! – велела детям вдова Эдсон. – Ступайте, кому сказано!

Джесси нехотя поплелся к амбару.

– погоди, возьми заодно и Долли! – Джоди поцеловала щеночка в нос и отдала его брату.

Держа в каждой руке по щенку, мальчик с величайшей осторожностью двинулся к амбару, откуда доносился отчаянный лай Дотти.

А девочка между тем встала рядом с матерью, стиснула зубы и принялась буравить незна- комца голубыми глазами.

– Вы сказали, будто у вас есть для нас кое-что? – нетерпеливо спросила женщина.

– Конечно! Сейчас все объясню! – ответил мужчина и улыбнулся Джоди, но, обнаружив на ее личике непроницаемую маску, мгновенно переключился на вдову Эдсон: – Для начала, мэм, позвольте представиться. Вот. – Он протянул женщине визитку, отпечатанную прошлой ночью в мотеле. («С пылу с жару», – как сказал бы Тоби Эдсон.)

Визитку взяла Джоди.

– Так, мама, здесь написано, что его зовут Джон Партнэр, – прочитала девочка. – А еще тут говорится, что он президент компании «Священное Писание от Партнэра» в Хьюстоне.

– Так и есть, – закивал мужчина. «Вдова не умеет читать! Вот так облом!» – забрав визитку, подумал он и продолжил: – Как я уже говорил, мэм, времена наступили трудные, но мне почему-то кажется, что я смогу вас утешить. Я привез Золотое издание Библии, которое ваш супруг заказал еще в прошлом месяце.

– Чего мой муж заказал?

– О... я понимаю! Тоби вас не предупредил, да?

– Вот что, мистер Партнэр, – процедила вдова Эдсон, не на шутку разозлившись. – Если вы сейчас же не объясните мне, какого рожна вам тут надобно, – я за себя не отвечаю!

– В прошлом месяце ваш муж заказал специальное издание Библии и выслал задаток – один доллар, – сказал Джон Партнэр. – Тиснение сделали золотом, как он и просил. Товар я пообещал доставить лично. – С этими словами он сдвинул федору на затылок, достал белый платок, отер пот со лба и глянул на часы. «Черт возьми, только начало десятого, – подумал он, – а жара уже невыносимая!» – Надо полагать, что вы не в курсе дел мужа?

– Золотое издание Библии, говорите? – протянула женщина, и глаза ее налились кро- выю. – Нет. Ничего подобного я от Тоби не слыхала. Вы хотите сказать... что он послал вам целый доллар? Да еще и почтой?

– Да, мэм. Наверное, увидел рекламное объявление в местной газете, – ответил Партнэр, и внутри у него все сжалось: «Если покойный Тоби не умел читать, то моя песенка спета».

Но вдова молчала как громом пораженная, и Джон Партнэр, не давая измученной горем женщине опомниться, принялся ковать железо, пока горячо:

– Миссис Эдсон, мне кажется... супруг хотел вас удивить. Мог он приготовить подарок, скажем, на день рождения или на годовщину свадьбы? – Собеседница не отвечала, и мужчина с ангельским лицом заговорил слащавой скороговоркой: – Или, может... он предчувствовал

конец? Многие заранее знают, когда пробьет их час. Умирая, люди нередко слышат голос Господа Бога нашего Иисуса Христа. Мне часто рассказывают подобные истории, и я искренне в них верю. Спаситель подсказал Тоби, что дни его на земле сочтены. Именно так Всевышний и проявляет любовь. И Тоби, преисполненный божественной любви, в последние минуты жизни захотел поделиться ею с самыми близкими людьми: женой и детьми. Взгляните, пожалуйста, на дарственную надпись, которую ваш супруг попросил сделать.

– Я не... – начала была вдова Эдсон и умолкла, тяжело вздохнув. – Я не очень сильна в грамоте, сэр. Не могли бы вы прочитать вслух? – наконец сказала она и поморщилась, будто признание причиняло ей не только нравственное, но и физическое страдание.

– Ну разумеется, – кивнул коммивояжер и отметил, что Дотти прекратила лаять.

«Похоже, собачья семья воссоединилась, но Джесси возвращаться не спешит, – подумал Джон Партнэр. Пристальный взгляд Джоди нервировал мужчину, и он всей душой желал, чтобы девочка присоединилась к брату. – Ну да ладно, – успокоил он себя, – я и не из таких переделок выходил. В конце концов, это мой хлеб».

Он извлек Библию из футляра, открыл страницу с дарственной надписью, куда заранее вложил квитанцию, и с чувством продекламировал:

– «На долгую память моей дорогой семье: жене Эдит, дочке Джоди и сыну Джесси от любящего мужа и отца». – После чего протянул вдове квитанцию. – Здесь указано, что 12 июня, но дата неточная, моя секретарша, судя по всему, ошиблась: мы получили от Тоби Эдсона из города Фрихолд, штат Техас, задаток в размере одного доллара.

Вдова Эдсон взяла квитанцию, посмотрела на нее бессмысленным взглядом и передала дочери. Джоди прочитала текст со скрупулезностью, которой мог бы позавидовать самый дотошный юрист.

– Я... э-э-э... Я даже не знаю, что и сказать, – отозвалась Эдит.

– Я понимаю, – произнес Партнэр и украдкой, точно кредитор, оценивающий, что можно прибрать к рукам, оглядел их дом. – Обычно мы берем еще пять долларов, включая стоимость доставки, но...

– Еще пять долларов? – переспросила Эдит, не веря своим ушам.

– Да, мэм, именно так. Золотое издание Библии стоит шесть долларов. Эта священная книга – удачное вложение денег. Она послужит верой и правдой всем следующим поколениям Эдсонов. Пять долларов, и Библия ваша.

– Ох... да, сэр, я понимаю, но... но это же целая куча денег!

– Извините, – подала голос Джоди, – а можно мне взглянуть на дарственную надпись?

– Конечно! Только имей в виду, что она сделана не рукой твоего отца, а напечатана по специальной технологии золотыми чернилами. Освящал их сам преподобный Уинстон Картер из Первой Баптистской церкви города Хьюстона! – С этими словами мужчина передал Библию девочке и снова обратился к вдове, пребывавшей в полном смятении чувств: – Миссис Эдсон, не волнуйтесь, – мягко сказал Партнэр. – Я не какой-то там торгаш и даже помыслить не могу, чтобы не исполнить последнюю волю вашего покойного мужа. Да и Отец наш Небесный и Сын его Иисус Христос не позволят мне лишиться вас его дара. Но за все в этом мире надо платить. Так уж заведено испокон веку. Однако позвольте кое-что предложить. Как президент компании «Священное Писание от Партнэра» я предлагаю заплатить за этот замечательный экземпляр Библии всего четыре доллара...

– Мама! – перебила его Джоди. – Не давай денег этому человеку!

Джон Партнэр застыл с разинутым ртом.

– Джоди! – воскликнула мать. – Ты ведешь себя невеж...

– Мама, – не унималась девочка, – да тут же ошибка! Мое имя написано неверно!

Слова девочки стали мужчине с ангельским лицом костью поперек горла. Через несколько мгновений он услышал свой предательски неуверенный голос:

– Как неверно? Быть такого не может!

– Мое имя, – сверля его голубыми глазами, сказала девочка, – пишется «Джоди», а не «Джоуди»! Папа не мог ошибиться!

На пастбище каркнула ворона. Где-то в лесу ей откликнулась другая. Мир вокруг Джона Партнэра остановился. Повисла такая оглушительная тишина, что в ушах зазвенело, а перед глазами поплыли разноцветные круги.

«Вот так, наверное, и чувствовали себя оглохшие копы после расстрела Бонни и Клайда», – подумал он.

– Действительно, очень странно, – прищурилась Эдит Эдсон. – Тоби никак не мог ошибиться в имени собственной дочери!

Всего три секунды понадобились Джону Партнэру, чтобы вернуть самообладание. Он не стал вырывать Библию из рук девочки, да это было и ни к чему: он прекрасно помнил, как написал имя.

«Вот же проклятье! Эти вшивые местные газетенки даже в некрологе ухитрились все перевернуть!»

Мужчина с ангельским лицом расправил плечи и невозмутимо сказал:

– Мы с радостью исправим ошибку...

– Мое имя написано неправильно, – не унималась Джоди, тыча Библией ему под нос. – Вот! Видите? – прибавила она, постукивая указательным пальцем по букве «у». Затем девочка продемонстрировала эту возмутительную ошибку матери. Та хоть и была не шибко грамотной, но как правильно пишутся имена ее детей, без сомнения, помнила.

– Четыре доллара, – сказала вдова Эдсон, – это тоже целая куча денег, сэр. Кстати, как вы собираетесь исправлять надпись?

Прежде чем Джон Партнэр успел открыть рот, Джоди уже все решила за него:

– Мама, мне кажется, что мистер Партнэр должен отдать нам эту книжку задаром! Так будет по-честному. И папе бы понравилось! Он бы точно от смеха живот надорвал!

– Твоя правда, доченька, – кивнула вдова Эдсон, и тень улыбки коснулась ее изможденного лица. – Надо же, как получилось. – Она взяла у девочки книгу, провела пальцами по бумажной обложке, согнувшейся от жары, и заметила: – Хороший был бы подарок, если бы не эта досадная ошибка. Мой муж денег на ветер не бросал: платить за чьи-то ошибки – это не про него. Разумеется, Тоби поблагодарил бы вас за труды, сказал бы, что Библия получилась замечательная и все такое, но... платить четыре доллара... «Дай ему доллар – так будет по-честному!» – сказал бы он. Доллар вас устроит?

Джон Партнэр помедлил с ответом, и Эдит, воспользовавшись этим, выкинула карту, которую крыть было нечем:

– Никому другому эту книгу уже не продать, верно?

Лицо незадачливого коммивояжера окаменело. Прошло немало времени, прежде чем бедняга вновь обрел дар речи. Он услышал себя словно со стороны, откуда-то издалека.

– По рукам. Один доллар, – произнес он не своим голосом.

Миссис Эдсон забрала белый футляр, вложила туда Библию и ушла в дом за деньгами. Мужчина и девочка остались один на один. В гробовой тишине они пристально смотрели друг на друга. В ее глазах читалось осуждение: «Я тебя вижу насквозь. Я знаю, что ты такое».

Сжав в кулаке доллар, Джон Партнэр холодно улыбнулся, пожелал Эдсонам всего наилучшего и пошел к автомобилю. Чувствуя на спине их взгляды, он снимал пиджак и федору исключительно долго, с присущим только царственным особам достоинством. Закончив церемониал, Партнэр сел за руль, включил зажигание – двигатель при этом громко чихнул – и тронулся с места. Джесси, возвращавшийся из амбара, дружелюбно помахал рукой на прощанье, но мужчина с ангельским лицом не ответил: он не прощался.

В тот день Джон Партнэр, следуя по намеченному маршруту, побывал во всех городках и на фермах, отмеченных чернильными крестиками. День прошел с переменным успехом. Он продал три Золотых издания Библии: два экземпляра по шесть долларов и один за три – это было все, что старой леди удалось выскрести из заначки. В полдень, остановившись в какой-то забегаловке на берегу грязного озера, Партнэр перекусил крекерами и запил их апельсиновой газировкой «Нихай». Следующие две сделки сорвались: у одного дома стояла патрульная машина, а второй продавали за долги.

Та девчонка – со своим пристальным взглядом и дерзкими словами – никак не шла из головы Джона Партнэра.

«Не давай денег этому человеку».

«Они и понятия не имеют, – думал мужчина с ангельским лицом, – как тяжело мне приходится работать за эти несчастные доллары! Точно землекоп, я откапываю в газетах некрологи, имена, адреса и прочее, а затем сопоставляю одно с другим».

О тонкой работе на печатном станке Партнэр даже и вспоминать не хотел: таким образом он затирал типографскую краску и печатал поверх золотыми чернилами дарственные надписи. Библии и подарочные футляры обходились недорого: четвертак за комплект. Их поставляла одна контора из техасского городка Форт-Уорт. А вот золотые чернила сильно ударили по карману: семьдесят пять центов за флакон плюс доставка из Нового Орлеана.

Нашему герою всегда казалось, что он оказывает обществу ценную услугу. Но люди не понимали и не принимали Джона Партнэра, считая его деятельность незаконной.

«Неужели не ясно, что я продаю не просто книжки, а хорошие воспоминания о близком им человеке? Этой самой золотой вязью чернил я скрепляю родственные узы их семьи на несколько поколений вперед. Сколько раз уже я сослужил обществу в целом и скорбящим родственникам в частности хорошую службу. Ну а они что? Как они меня отблагодарили? А вот как: „Не давай денег этому человеку“».

Мужчина с ангельским лицом потерял покой: желудок бунтовал весь день, пока крекеры с апельсиновой газировкой «Нихай» не оказались на обочине дороги, ведущей в городок Уортон. Освободив желудок, Партнэр почувствовал себя значительно лучше. В голову пришла замечательная идея, и он успокоился: сел за руль, скрутил папироску, подкурил ее серебристой зажигалкой – под стать зажиму для галстука, там красовались молитвенно сложенные ладошки – и покатил в город. В Уортоне он заехал в дешевый магазинчик, где продавалась всякая всячина, и купил детскую бейсбольную биту.

Партнэр приятно удивился, когда обнаружил в Уортоне кинотеатр. Правда, «Кинг-Конга» он видел еще в прошлом году, но времени было полно: Джон купил билет и наслаждался этой зрелищной картиной еще раз. Из кинотеатра мужчина с ангельским лицом вышел уже в сумерках. Прогуливаясь вниз по улице, заглянул в маленькое кафе, заказал свиную сардельку, кукурузный крем-суп и салат из репы. Подкрепившись, он выкурил пару сигарет, выпил до последней капли чашку кофе, пофлиртовал с рыженькой официанткой, которая тайком утащила для него с кухни кусок орехового пирога, расплатился и снова оказался на улицах вечернего Уортона.

Выехав на шоссе, Партнэр добрался до первой развилки, свернул и покатил по дороге, залитой тусклым светом полумесяца и звезд. Фары «окленда» выхватывали из темноты уже знакомые места: он ехал во Фрихолд.

«Не давай денег этому человеку».

«Черт возьми, ну до чего же это несправедливо!» – думал мужчина, и ему хотелось закричать, а то и зарыдать. Но глаза оставались сухими и безжизненными, как камушки пустыни Чиуауа, а на лице читалась лишь мрачная решимость.

Стрелки часов показывали девять вечера, когда Джон Партнэр притормозил на обочине Шестидесятого шоссе. В тридцати метрах впереди виднелся поворот на ту самую пыльную дорогу, ведущую к дому Эдсонов.

«Канителиться некогда, – рассудил он, – можно нарваться на патрульных. Хотя что им тут ловить? Днем-то автомобилей раз-два и обчелся, а уж ночью и подавно никого не будет! Соседи далеко: ближайший к Эдсонам дом находится в пятистах метрах на запад».

Мужчина с ангельским лицом подхватил бейсбольную битую, канистру бензина и пошел по пыльной дороге.

Перед крыльцом дома слабо горело несколько керосиновых фонарей: электричества в этой глуши не было. Джон Партнэр направился к амбару: дверь приоткрыта – что ж, тем проще.

Только он шагнул внутрь и крутанул колесико зажигалки, как Дотти, кормившая щенков на пледе в красно-черную шашечку, тут же встрепенулась и зарычала. Она тщетно пыталась подняться: щенята тянули мать вниз. Партнэр ударил ее битой по голове. А затем, как следует размахнувшись, врезал еще – чтобы уж наверняка.

Полюбовавшись делом рук своих, Партнэр принялся за щенков. Он накидал на них соломы, облил бензином и снова щелкнул зажигалкой.

Красноватые отсветы пламени обнажили истинный лик Джона Партнэра, который он неспроста скрывал от окружающих: сейчас ни у кого бы язык не повернулся назвать эту маску лицом ангела.

Он взял пучок соломы и поджег.

– Вот так-то, не в меру бдительная Джоди, – прошептал злоумышленник, глядя мертвыми глазами на пламя, и бросил разгоревшийся пучок соломы на плед. Огонь вспыхнул так стремительно, что подпалил ему волосы и брови.

Партнэр с удовольствием посмотрел бы, как горят щенята, но оставаться дольше было опасно.

«Будет Джесси подарок», – кинув под ноги битую, подумал он.

Джон Партнэр вернулся к автомобилю с чувством выполненного долга: у него будто гора с плеч свалилась. Справедливость восторжествовала.

Он закинул в багажник канистру, сел за руль «окленда» с грудой Библий на заднем сиденье и поехал навстречу неизвестности.

Глава 2

– Надолго к нам, мистер Партлоу?

– Нет, если повезет.

– Это как же прикажете понимать? – наморщив и без того морщинистый лоб с россыпью старческих пигментных пятен, спросил Гровер Невинс, хозяин гостиницы.

Партлоу заглянул в серые, прятавшиеся за толстыми линзами очков глаза и пояснил:

– Механик в автомастерской – Генри вроде бы его звать – обещал раздобыть запчасти как можно быстрее. Если накладок в Шривпорте не будет, то ремонт займет дня три, не больше.

– Я знаком с Генри Буллардом – мастер золотые руки. Но вот что касается сроков, тут на него положиться нельзя. Сдается мне, сэр, вы надолго здесь застряли... Хотя, конечно, все зависит от характера поломки...

– Карбюратор накрылся, чтоб его. Восемь километров тащился на буксире за грузовиком с сеном. Если бы не этот добрый человек, то я бы до сих пор так и торчал на трассе.

– Хм, – нахмутив кустистые брови, отозвался мистер Невинс. – Карбюратор – дело серьезное: недельку точно здесь пробудете.

– Может, и так, – произнес Партлоу, расписываясь в гостевой книге, лежавшей на черной лакированной стойке. – Надеюсь, вы не против посуточной оплаты?

– Не против. Если только платить будете ровно в десять утра – и ни минутой позже, – выглянув из-за плеча Гровера, ответила его жена Хильда и уставилась на Джона Партлоу огромными совиными глазами. Ее каштановые с проседью кудри были собраны в такой тугий хвост, что рот едва открывался. – В десять – и ни минутой позже, – повторила она. – Мы люди добрые, но нахлебники нам не нужны. – Ее взгляд задержался на зажиме для галстука, и женщина прибавила: – Я, конечно же, не вас имею в виду.

– Ценю ваше доверие, мэм, и клятвенно обещаю, что хлопот не доставлю, – сказал Партлоу мелодичным голосом и улыбнулся, словно ангел. – «Застрять надолго», как выразился ваш муж, мне бы точно не хотелось: у меня даже смены белья нет, – произнес он, глядя Хильде прямо в глаза. От смущения на ее желтоватых щеках выступил румянец. Затем Партлоу повернулся к старику: – Городишко, я смотрю, у вас тихий. А поужинать найдется где? Или, быть может, за эти деньги я могу рассчитывать на сэндвич и кофе у вас?

– Нет-нет, мистер Партлоу, я не готовлю для постояльцев, – поспешно открестилась хозяйка и, всколыхнув дряблым подбородком, помотала головой. – Цены нынче в магазинах – будьте нате!

– Ужины подают в кафе «Стоунфилд» в двух кварталах к югу. Вы ступайте туда, – посоветовал Гровер. – Они открыты до восьми вечера. Жареный цыпленок там – просто пальчики оближешь.

– Благодарю, – отозвался Партлоу, еще совсем недавно известный как Партнэр. Эту свою личину, вместе со всеми визитными карточками, мужчина с ангельским лицом уничтожил пару недель тому назад.

Про гостиницу Гроверов, находившуюся на углу Второй и Третьей улиц в Стоунфилде, штат Луизиана, он узнал от автомеханика Генри Булларда. Когда Партлоу переступил порог их маленького отеля, в глаза ему сразу бросился образцовый порядок: на полу затертый, но чистый ковер, по стенам темные деревянные панели, а по периметру вестибюля несметное количество керамических колокольчиков, лошадок и прочих безделушек.

Сами хозяева показались Партлоу полными простофилями, какой бы умной и деловой ни пыталась выглядеть Хильда. У мужчины с ангельским лицом возникло почти непреодолимое желание разрушить царившую тут идиллию.

«По всей видимости, Невинсы тешатся этим ложным ощущением контроля над жизнью, – подумал он. – Вот только что они знают о жизни!»

Партлоу хотелось лишить их этого сытого спокойствия: он тут же представил, как будет забивать копытца керамической лошадки в огромные глаза Хильды Невинс.

Внезапно со второго этажа раздался женский крик. Слов Партлоу не разобрал, но дамочку явно рассердили не на шутку: в этом сомневаться не приходилось.

– Ого! – воскликнул он и снова улыбнулся своей ангельской улыбкой. – А я-то думал, что буду ночевать в гордом одиночестве.

– Не обращайтесь внимания на этих двоих, – сказала Хильда, даже не подозревая, что вместо глаз у нее зияют окровавленные дыры. Понизив голос, она заговорщически прошептала: – Это доктор Ханикат и его... хм... не знаю, как и назвать-то ее поприличней... помощница!

– Очень интересно! – Партлоу подался вперед и одними губами произнес: – Расскажите мне про них!

– Эта парочка приехала вчера днем. Доктор Ханикат хотел было снять двухместный номер, но помощница заявила, что с нее хватит и она будет жить в отдельном...

– Хильда, – перебил жену Гровер, – мне кажется, нам не следует...

– Они собираются выступать в культурном центре «Элкс-Лодж», – как ни в чем не бывало продолжала старуха.

«Ну, пошла молоть языком! – подумал Партлоу. – Ладно, черт с ней, пускай выговорится!»

– Уже расклеили афиши по всему городу. Гровер принес мне одну, и знаете, куда я ее дела? Выбросила на помойку! Там ей самое место! Догадываетесь, о чем эти двое будут говорить?

– Нет, мэм, понятия не имею.

– Хильда! – в сердцах воскликнул муж. – Уймись! Хватит уже...

– О сексе, – шепнула старая сплетница и глянула на лестницу. Убедившись, что никто не подслушивает, она продолжала: – А уж название придумали – «Как начать жить полной жизнью?». Скажите пожалуйста: так прямо и написали на афише! Хотя, как это ни назови, суть не изменится. Ума не приложу, кто им только разрешил здесь выступать? Жаль, я не успеваю собрать приходскую группу: мы бы мигом выгнали их взашей!

– Хильда, никого выгонять взашей мы не будем, – сказал Гровер и обреченно вздохнул.

«Судя по всему, – сообразил Партлоу, – за эти сутки она уже всю плешь мужу проела».

– Мы дорожим каждым клиентом: деньги на дороге не валяются. Да и директор «Элкс-Лодж», и Юджин, я думаю, тоже не дураки, чтобы от денег отказываться.

– Что еще за Юджин?

– Наш никчемный шериф! Вернее, даже не шериф, а так только, одно лишь название! – с жаром воскликнула Хильда и вдруг разразилась гневной тирадой: – Этот прохвост стал шерифом на грязные деньги бутлегеров! И все ему мало! Ну никак успокоиться не может!

– Хильда!!! – воскликнул Гровер, чуть не рыдая. – Умоляю тебя, хватит!

– Ладно, – отозвалась она. – Я умолкаю. Но ненадолго. И только потому, что сейчас от этих шарлатанов все равно не избавиться. – Хильда взглянула на Джона Партлоу, опустила глаза на зажим для галстука и спросила: – А вы что, проповедник?

– Ну, не совсем. Но слово Божье всегда со мной, где бы я ни был.

– А с виду – вылитый проповедник! Порядочного человека сразу видно.

– Благодарю, мэм, ваши слова очень льстят мне, – смущенно произнес Партлоу, потупил взгляд и склонил голову. – Что ж, если вы не возражаете, я пойду на поиски кафе, – сказал он, не теряя надежды остаться на ужин у Невинсов. Но оказалось, что доброжелательность Хильды ограничивалась лишь словами.

– Жареный цыпленок в «Стоунфилде» – пальчики оближешь, – повторил Гровер. – Будете заказывать ужин, скажите Олли, что вы от меня, и он обязательно сделает скидку. Вот ключи, комната номер четыре.

– Парадная дверь закрывается ровно в десять тридцать вечера, – предупредила Хильда и прибавила: – И ни минутой позже.

Поблагодарив их, Партлоу убрал ключ в карман белого пиджака и вышел на улицу, гадая, как бы выглядели лица Невинсов, если бы их пожрал рак.

И он двинулся на юг, минуя одну за другой угнетенные Великой депрессией улочки Стоунфилда.

«Хотя вряд ли этот богом забытый городишко вообще когда-либо процветал, – скептически размышлял мужчина с ангельским лицом. И тут вдруг его внимание привлекло марево раскаленного воздуха, струившегося на фоне заходящего солнца. – А там что? Кажется, не так уж все плохо! По крайней мере, тут работает какой-то завод или фабрика! – Партлоу припомнил, как по пути – прежде чем его автомобиль приказал долго жить – он видел и фермы, и пастбища, и хлопковые поля. – Стало быть, я не прав: Стоунфилд если и не процветает, то по крайней мере не бедствует. Плодородная земля может приносить доход, если знать, как правильно ее окучивать. Похоже, что доктор Ханикат с помощницей знают свое дело! Лекция о сексе – ну надо же такое придумать. Во дают ребята! А что, это весьма любопытно!»

С наступлением темноты улицы Стоунфилда затихали. Центр городка будто вымирал, только мужская парикмахерская оставалась открытой допоздна. Тишину душного августовского вечера нарушали лишь цикады. На витрине парикмахерской в ореоле яркого света висела та самая афиша, так впечатлившая Хильду. Партлоу остановился и взглянул: «Как начать жить полной жизнью?». По центру купидон, изображенный не очень умелой рукой, пробивал стрелой сердце. Снизу имелось краткое пояснение: «Лекцию читают доктор Уильям Ханикат и его талантливая ассистентка Джинджер де ля Франс. Событие, которое не должен пропустить ни один мужчина». А еще чуть ниже – красный оттиск до боли знакомой Партлоу компактной резиновой печати: «Мероприятие состоится в четверг, 2 августа, в 20:00, в культурном центре „Элкс-Лодж“. Вход 25 центов».

«Ха, „талантливая ассистентка Джинджер де ля Франс“, – подумал Партлоу, и легкая улыбка тронула его губы. – Упоминание помощницы могло бы обеспечить этим авантюристам полный зал похотливых фермеров, если бы не одно „но“: двадцать пять центов за вход? Черт возьми, да они рехнулись! Самонадеянные малые!»

Предаваясь этим размышлениям, Партлоу дошел до кафе «Стоунфилд». Заведение располагалось в старом красном вагончике, застывшем на рельсах посреди улочки. Он распахнул барные дверцы, миновал вывеску «Черных не обслуживаем», забрался в кабинку, уселся на сиденье из цельного куска дерева и всмотрелся в меню, накорябанное мелом на грифельной доске. Выбор горячих блюд небогатый: жареный цыпленок, куриная котлета и какая-то «фирменная запеканка от Минни». Шестеро мужчин и три женщины, в том числе и кудрявая коренная официантка, с любопытством поглядели на нового посетителя. Впрочем, их интерес быстро угас: бродячих торговцев, хоть Партлоу и выделялся на общем фоне белым костюмом и элегантной федорой, на своем веку они повидали немало.

Партлоу снял шляпу и воспользовался предложением дня: заказал жареного цыпленка со спаржевой фасолью и листовой капустой, кусок кукурузного хлеба и стакан чая со льдом – и все это за пятьдесят центов.

– Дорогуша, – сказал он официантке, – будь добра, сделай чай послаще: сахару клади столько, сколько не жалко, и еще ложку сверху!

В ожидании ужина Партлоу поймал свое отражение в зеркале за стойкой и крепко задумался, припоминая последние дни скитаний.

Вот уже которую неделю семейство Эдсон не шло у него из головы. Он никак не мог простить себе той глупой выходки с поджогом.

«Эта блажь стоила мне целого округа! – сокрушался Партлоу. – А если вдова Эдсон пошла в полицию, то вообще пиши пропало. Чувствую, тамошние копы уже ждут не дождутся, когда я загляну к ним на огонек. Ну и к черту этот округ – ничего завидного там нет! Да вдобавок еще эта неприятная история со вдовой старика Джоны! Нет, определенно нужно открывать новые земли!»

История произошла следующая. Не успел Партлоу заявиться на ферму в округе Берлсон, где недавно почил вечным сном этот самый Джона, как перед ним возникла сморщенная старуха с дробовиком наперевес и принялась бранить коммивояжера на чем свет стоит, называя его жуликом и грешником окаянным. Из дальнейшей тирады вдовы он понял, что до него тут уже побывал какой-то удалец из Хьюстона – представитель компании «Библия Пресвятого Сердца» – и всучил ей осененное ангелом Священное Писание.

При таком бедственном стечении обстоятельств ничего не оставалось, кроме как сматывать удочки. Решая, куда лучше податься – на восток или на запад, – Партлоу подбросил монетку и оказался в Шривпорте, где остановился в отеле «Дикси гарден». Затем дела занесли мужчину с ангельским лицом в Стоунфилд, и тут-то «окленд» подложил ему свинью.

Доедая ужин, Партлоу задумчиво поглядывал на часы у зеркала.

«Выпью еще стаканчик чаю со льдом, выкурю парочку сигарет, ну а затем, пожалуй, прогуляюсь и осмотрюсь», – решил он.

Когда Партлоу спросил, где находится «Элкс-Лодж», официантка бросила на него такой многозначительный взгляд, что он чуть не выбил красавице кроличьи зубы, упирившиеся в нижнюю губу.

– Ступайте на восток. Сразу за сквером, где стоит памятник герою-конфедерату Сэмюэлю Петри Бланкеншипу, и будет «Элкс-Лодж», – пояснила официантка и с особой гордостью добавила: – Каждый раз, когда мимо проходит какой-нибудь ниггер, памятник плачет кровавыми слезами.

Упомянув Невинсов, Партлоу сэкономил десять центов. Монетку он оставил официантке в лужице пролитого чая. Затем надел шляпу, поправил галстук и встал. Пол завибрировал. Оглушительно загудел локомотив. Зазвенели стекла. Партлоу вышел на улицу, и на него сразу обрушился шквал звуков: стук колес, грохот, лязг металла и безудержный лай собак, догонявших грузовой состав, что пронесился мимо кафе, поднимая клубы пыли. Именно так Стоунфилд приглашал мужчину с ангельским лицом на прогулку.

Партлоу стряхнул с лацканов белого пиджака пепел и направился на восток – разыскивать «Элкс-Лодж».

Здание культурного центра, декорированное бурым песчаником, Партлоу нашел на Четвертой улице. Едва он переступил порог, как его взор приковала светловолосая женщина, сидевшая за столиком у дверей в актовый зал.

Блондинка продавала билеты, складывая деньги в коробку из-под сигар, и между делом барабанила пальцами по белой скатерти, заваленной флаерами с рекламой предстоящего шоу. К столу уже выстроилась очередь из пяти фермеров. Молодые и старые, толстые и тонкие, высокие и низкие – все, как один, жаждали обменять свои кровные на знания из той области, в которой мечтает преуспеть каждый уважающий себя мужчина.

Одежда блондинки привела Джона Партлоу в замешательство. Простой белый халат с длинным рукавом, застегнутый под самый подбородок, казался на таком мероприятии совершенно неуместным. Хотя макияж был что надо. Блондинка походила на куклу: размалеванное лицо ничего не выражало, а губы алели, точно кровавая рана. Мужчина с ангельским лицом знал, для чего этот маскарад. В желании скрыть свою истинную личность они были, можно сказать, родственными душами. Партлоу занял очередь и стал ждать, стараясь не слушать гого-

чуших, как стадо гусей, фермеров. Встреча с этой холодно взиравшей на окружающих женщиной сильно нервировал бедняг. Они без умолку трещали, взрывая тишину оглушительным хохотом, и в то же время не знали, куда деваться от смущения. Партлоу понимал их: до этого дня блондинка жила в недостижимом для них мире и вдруг, неожиданно-негаданно, снизошла до простых провинциалов.

Настала очередь Партлоу. Первым делом он украдкой посмотрел в коробку из-под сигар: продано около тридцати билетов.

– Ну и ну! – воскликнул он.

Заглянув в янтарные глаза ассистентки доктора Ханиката, Партлоу почувствовал приятное головокружение, как будто выпил бокальчик-другой игристого. Она же воззрилась на него с полным равнодушием. Вообще-то, если разобраться, отнюдь не писаная красавица: черты лица грубоваты, курносый нос, большой рот, а глаза как у дикой кошки.

Вдобавок женщина оказалась ненатуральной блондинкой: корни волос, забранных в хвост и заколотых по бокам черно-красными гребнями так, что лишь пара локонов свободно спадала на лицо, были гораздо темнее. Уловив аромат мускусно-терпких духов, Партлоу подумал: «Так, должно быть, пахнут лепестки обугленных роз».

Несколько мгновений оба молчали. Наконец мужчина с ангельским лицом криво усмехнулся и спросил:

– Ну что, нравлюсь?

– Не многовато ли ты на себя берешь, сладкий? – нарпев произнесла она, демонстрируя во всей красе аристократический южный акцент.

«Да-а, это тебе не местные официантки, – подумал восхищенный Партлоу, – совершенно другой уровень!»

Блондинка снова глянула на его белый костюм, рубашку с плиссированной планкой и, зацепившись взглядом за молитвенно сложенные ладони, прищурилась и спросила:

– Ты для кого это так вырядился?

– Для тебя, – ответил Партлоу и, как ему показалось, временно склонил чашу весов на свою сторону. – Или ты предпочитаешь местных фермеров в комбинезонах и бродяг в лохмотьях?

– За четвертак ты можешь составить им компанию, – бесстрастно сказала блондинка и постучала кроваво-красным ногтем по краю коробки из-под сигар.

– Я, кстати, из Шривпорта, а тут проездом. Остановился у Невинсов.

– Рада за тебя, сладкий, но на дармовщинку не выйдет, – заявила красавица и глянула на только что вошедших фермеров, облаченных в новехонькие комбинезоны. – В общем, так: либо сюда, либо туда, – кивнула она в сторону выхода.

Волна негодования захлестнула Джона Партлоу. Да что эта крашенная тридцатилетняя мадам, стареющая не по дням, а по часам, себе позволяет! В любой другой ситуации он просто пожал бы плечами, развернулся и вышел вон, но предприимчивый доктор Ханикат с помощницей вызвали у него профессиональный интерес. Блондинка уже любезничала с очередным деревенщиной, поэтому Партлоу бросил четвертак, взял билет и прошел в зал.

Он оказался небольшим, человек на пятьдесят. Перед сценой с бордовым занавесом стояли деревянные, как в церкви, скамьи. Шары люстр освещали зал, заливая все вокруг желтоватым светом. Над сценой была прибита отлитая из чугуна голова лося с огромными ветвистыми рогами. Единственный вентилятор едва вращался, с трудом разгоняя плотный сигаретный дым, поднимавшийся к потолку. Партлоу насчитал двадцать семь человек: все как один в галстуках-бабочках, комбинезонах и при табакерках. Если прибавить еще двух фермеров, что пришли после него, то за этот вечер доктор со своей талантливой ассистенткой заработают семь долларов и двадцать пять центов – сумма, не достойная внимания уважающего себя афериста.

«Наверняка припрятали туз в рукаве!» – подумал Партлоу, выбирая скамью, где сидело поменьше народу. Он снял шляпу, положил ее рядом и приготовился внимательно слушать и смотреть.

– Тридцать четыре, – пробубнил Партлоу себе под нос, когда в зал вошло еще пятеро зрителей.

Спустя пятнадцать минут появилась блондинка в своем белом халатике. Не глядя по сторонам, она неторопливо прошла между рядами, соблазнительно покачивая округлыми бедрами, поднялась на сцену и скрылась за дверью. В ожидании представления фермеры смолили сигареты, а также нюхали, жевали и сплевывали табак в жестяные баночки. Какой-то старик раскашлялся так, что чуть не выплюнул свои легкие, забитые, вероятно, илом Миссисипи.

Между тем занавес поднялся. В нервном предвкушении несколько человек зааплодировали. Партлоу, озираясь, посмотрел на ухмыляющиеся лица зрителей и пожелал всем собравшимся скорейшей смерти.

Блондинка встала по центру сцены. Вокруг ее ножек клубился сизый сигаретный дым. Справа от нее виднелся стол, на нем картонная коробка. Слева – маленькая грифельная доска на колесиках. А в руках у ассистентки...

«Бог ты мой, – подумал Партлоу, – да это же школьная указка! Такой училки стучат по доске, а иногда и по голове, пытаясь втемашить нерадивым ученикам, что дважды два равно четыре!»

Только вот вызывающая поза, пряди волос, ниспадавшие на лицо, приоткрытый ротик и манера держать указку точно кнут, намекали фермерам, что они попали вовсе не на школьный урок. Внезапно девушка улыбнулась: одними губами – взгляд ее оставался холодным.

– Добрый вечер, джентльмены, – сказала блондинка, вставая на трибуну, и фермеры нестройным хором поприветствовали ее в ответ. Некоторые, судя по голосам, уже изрядно поднабрались и были не прочь пофлиртовать с красоткой. – Доктор Ханикат появится с минуты на минуту. Прошу вас, запаситесь терпением.

– Да мы и без дохтура тут вполне управимся! – выкрикнул кто-то, а остальные одобрительно загудели.

Мужчина с ангельским лицом сложил руки на коленях и подумал: «Кажется, летний вечерок обещает быть интересным!»

– Ну-ка, дорогуша, спляши для нас! – вырвалось у бородатого фермера, сидевшего впереди Партлоу.

– Ну что вы, для *незнакомцев* я не пляшу, – приторно улыбнувшись, ответила блондинка. – Но к окончанию лекции, надеюсь, мы с вами подружимся. А пока я, пожалуй, подготавлиюсь к выступлению, – сказала она и, змейкой выскользнув из-за трибуны, принялась расстегивать больничный халатик. Как только из-под него мелькнуло ярко-красное платье, гогот и ехидные смешки разом стихли. Сняв халатик, женщина положила его на стол рядом с картонной коробкой.

«И как только она умудрилась влезть в это крошечное платье?» – невольно восхитился Партлоу.

Ассистентка доктора Ханиката распустила волосы, и они оказались настолько роскошными, что у Партлоу аж дух захватило: перед аудиторией стояла настоящая красотка. В одно мгновение завладев вниманием всего зала, она принялась неспешно разглаживать складочки платья, едва прикрывавшего чувственное тело. Воцарилась тишина. Партлоу даже представить боялся, что творится в головах фермеров, жадно разглядывавших женщину на сцене.

«Интересно, доводилось ли им видеть своих жен или местных девушек в таких откровенных нарядах? – призадумался он. – Да нет, вряд ли! Столько обнаженки эта деревенщина на своем веку еще не видала! Они на крючке! Теперь ни у кого и мысли не возникнет требовать свои кровные денежки обратно, что бы там дальше ни произошло».

– А вот и доктор Ханикат! – с напускным весельем объявила блондинка.

Седобородый мужчина в сером костюме, черном галстуке-бабочке и двцветных туфлях нетвердой походкой шагал по проходу к сцене.

Партлоу с изумлением понял, что он пьян в стельку: ноги не слушались доктора, так и норовя зацепиться одна за другую. Лектор с горем пополам добрался до двери на сцену и не смог с ней справиться.

– Ну же, доктор! Откройте дверь и поднимитесь на сцену – это ведь так просто! – про-рычала блондинка и елейным голоском обратилась к зрителям: – Прошу простить доктора Ханиката за медлительность: недавно он перенес серьезную операцию по переливанию виски. – Послышались смешки очарованных фермеров, и она продолжала: – Уильям, дорогуша, ты как? В порядке? Просто согни руку в локте, будто собираешься опрокинуть стакан виски, схватись за ручку и нажми. Ну давай, милый, сделай это ради меня, своей единственной и неповтори-мой помощницы Джинджер!

Кто-то из зрителей подскочил было помочь доктору, но тот уже справился и продол-жил непростое восхождение на сцену. Забравшись, он отвесил театральный поклон. Фермеры ловили каждое движение Ханиката, наслаждаясь представлением.

«Не человек, а старая развалина – жалкие остатки некогда талантливого, явно с задат-ками актера, афериста. Лет сорок назад он наверняка мог бы задать жару! – присмотревшись к доктору, размышлял Партлоу. – Хотя талант не пропьешь! Вдрызг пьян, а костюм и накладная борода сидят почти идеально».

Партлоу задумался о нелегкой судьбе человека, вставшего на путь мошенничества. Стоит только аферисту перестать верить в себя и в свою мечту, как вся его жизнь летит в тартарары. И ничего не остается, кроме как топить горе в вине, пропивая сноровку и острый ум. Парт-лоу решил, что дни доктора Ханиката сочтены. Сама идея лекций «Как начать жить полной жизнью?» была настолько же вымученной, насколько измученным выглядел сейчас человек, ее придумавший.

«А девица молодец! Знает, что делает. Умеет себя преподнести и привлечь внимание. Одним словом, очень ценная находка для такого типа, как Ханикат, – подумал Партлоу. – Наверное, они уже давно работают вместе. Так давно, что у нее сил больше нет смотреть на пьяную рожу напарника».

Доктор стоял перед ними на сцене, пытаясь выпрямиться во весь рост, но ноги его пре-дательски подкашивались. Густую поседевшую шевелюру Ханиката не мешало бы расчесать, а брови подстричь. Лектор занял место на трибуне и кивнул Джинджер. Она вручила ему указку и, все так же соблазнительно покачивая бедрами, подошла к грифельной доске. Несмотря на то что язык доктора заплетался, голос его звучал уверенно и вполне мог воодушевить всю эту деревенскую братию.

– Джентльмены! Умные и храбрые мужчины замечательного городка... – Тут лектор запнулся, вспоминая, куда на этот раз его занесла нелегкая. – ...Городка Стоунфилд! – наконец продолжил он. – Умные, потому что вы сейчас здесь, передо мной. Вы хотите утолить жажду знаний, и это похвально! Храбрые, поскольку вы пришли сюда, несмотря ни на что! Кому, как не мне, знать, как порой трудно сделать первый шаг! Знания, полученные сегодня вече-ром, возведут вас на совершенно новый уровень! Вы вернетесь домой с гордо поднятой голо-вой и заслужите вечную благодарность своих жен! Да что там говорить! Ваши супруги будут просто на седьмом небе от счастья! А тем, кто все еще жалеет о двадцати пяти потраченных центах, я скажу вот что: сегодня вы покинете этот зал богатыми, как короли. И помяните мое слово, после этой ночи ваши жены будут обходиться с вами по-королевски до конца жизни. А теперь давайте... – Доктор снова задумался, губы двигались, что-то беззвучно проговаривая. На мгновение в его глазах мелькнуло беспокойство, но затем он собрался и закончил мысль: – А теперь давайте поблагодарим мою замечательную помощницу мисс Джинджер де ля Франс.

Я ни секунды не сомневаюсь, что все вы с удовольствием пожали бы ее маленькую изящную ручку.

Тут заплодировал даже Партлоу. Но не замечательной помощнице, а храброму доктору Ханикату. Человеку, который вышел этим вечером на сцену, несмотря ни на что. Старику, который лыка не вязал, но все равно заливался соловьем. «Видимо, он так часто произносил эту речь, – подумал Партлоу, – что слова навсегда отпечатались у него в мозгу и послушно слетают с языка, когда это требуется».

Аплодисменты стихли, и представление началось. Партлоу с неподдельным интересом наблюдал за работой доктора Ханиката и его талантливой ассистентки Джинджер де ля Франс. Доктору принадлежала теоретическая часть. Не умолкая, он пространно рассуждал о том, как важно качественно исполнять супружеский долг. Джинджер же отвечала за практику. Пока лектор переливал из пустого в порожнее, она рисовала желтым мелом на черной доске всякие похабные картинки.

Пояснения доктора к изображениям пенисов, вагин и сосков, появлявшихся из-под руки Джинджер, никто толком не слушал. Внимание фермеров было приковано к едва уловимым, дразнящим воображение движениям бедер, сопровождавшим рождение очередного рисунка. Партлоу заметил, что с каждым разом пенисы и вагины становятся все больше и больше. Красноречивое молчание аудитории лишь доказывало, что усилия блондинки достигают цели.

Это увлекательное представление продолжалось еще минут двадцать. Несколько раз речь доктора прерывалась, и порой казалось, что нужных слов он уже не найдет, но Джинджер в считанные секунды настраивала напарника на прежнюю волну. А затем, когда внимание зала было окончательно завоевано, они повели откровенно грязную игру. Доктор завел волынку про Мексику. Пока Джинджер рисовала невероятных размеров фаллос, Ханикат рассказывал, что где-то на северо-западе Мексики, в Тихуане, у «секс-докторов» продается удивительная шпанская мушка.

Закинуть ногу на ногу к концу представления у Партлоу уже не получалось. Если бы он не знал, что шпанская мушка – приманка для дураков, то наверняка бы сейчас лихорадочно соображал, как бы поскорее ею разжиться, потому что речи доктора звучали ну очень убедительно. С его слов получалось, будто шпанская мушка – лучшее, что случалось с мужчиной до появления Евы. Партлоу ничуть не удивился, когда в коробке, которую блондинка открыла с кокетливой улыбкой «Я точно знаю, что вам нужно», оказались бутылочки «Тихуанского нектара счастья». Стоили они ни много ни мало доллар за штуку.

Партлоу устроился поудобнее и стал наблюдать, как фермеры, зажав в шершавых кулаках свои кровные доллары, вереницей потянулись к сцене.

«Этот чудодейственный тихуанский нектар не что иное, как кола со щепоткой кокса, – размышлял Партлоу. – И манит фермеров совсем не шпанская мушка, а блондинка. Их манят полыхающие страстью глаза и сводящий с ума аромат. Их манит плоть».

Потратить целый доллар решились не все, но большинство зрителей все-таки раскошались. Партлоу прикинул: Ханикат и Джинджер выручили еще баксов тридцать, что в целом было уже неплохим уловом.

«А теперь самая сложная часть представления: собрать манатки и улизнуть с деньгами!» – подумал мужчина с ангельским лицом.

Джинджер поработала на славу: за ней по пятам, булькая «Тихуанским нектаром счастья», ходила целая толпа фермеров. Они наивно полагали, что уж теперь-то – после покупки заветной бутылочки – закрутить интрижку с этой красоткой будет раз плюнуть. Парни в комбинезонах, нафантазив всякой похабщины, ухмылялись, как недоразвитые подростки, и не желали уходить со сцены. Самые дерзкие даже окликали ассистентку доктора по имени. Между тем аферисты времени даром не теряли: Джинджер перевязывала коробку с бутылочками чудесного зелья, а Ханикат, без конца сбиваясь, подсчитывал выручку.

«Сейчас или никогда!» – подумал Партлоу, подошел к сцене и громко сказал:

– Джинджер, дорогая, давай-ка я тебе подсоблю! Негоже законному мужу просто сидеть в сторонке и смотреть, как его благоверная хлопочет, аж из сил выбивается.

Стрельнув глазами в его сторону, блондинка оценила обстановку и тут же откликнулась:

– Конечно, подсоби, милый! Отнеси-ка вот эту коробку в машину. Но только смотри, чтобы все было тип-топ.

Партлоу кивнул ей, отметив про себя, что тип-топ – просто отличное выраженье.

– Будет сделано, мэм, – отрапортовал он и забрал у Джинджер коробку.

Толпа начала редеть. Фермерам хватило ума понять, что волшебное снадобье им не поможет. Их простая мужественная внешность не выдерживала никакой конкуренции с утонченным образом облаченного в белоснежный костюм джентльмена, лицом походившего на ангела-хранителя... в роли которого Партлоу сейчас, собственно, и выступал.

– Машина у черного входа, – сообщила Джинджер Партлоу, помогая доктору, опиравшемуся на ее руку, спуститься со сцены.

Ханикат глянул на незнакомца покрасневшими глазами и просипел:

– А это еще кто такой?

– Кстати, познакомься, это мой новый муж. Смотри, какой красавчик! И имечко у него подходящее – Пэрли¹, – сказала блондинка. – Ты разве не знал, что я вышла замуж тогда в Ноксвилле?

– Да ну?.. – изумленно попятился доктор. – Серьезно?

– Нет, конечно, я тебя разыгрываю: он просто мой поклонник. А теперь давай-ка, дорогуша, повнимательнее: смотри под ноги.

Они прошли мимо негра-уборщика и оказались на улице. В непроглядной тьме светило всего несколько фонарей да по-прежнему струилось марево раскаленного воздуха на горизонте. Партлоу, крепко сжимая доверенную ему коробку с тихуанским нектаром, следовал за Джинджер и Ханикатом. Преодолев задворки «Элкс-Лоджа», они выбрались на маленькую грязную стоянку к голубому «паккарду». Седан выглядел вполне себе ничего. Партлоу решил, что, хотя на поверхности машины виднелись кое-какие затертости и вмятинки, в целом автомобиль мог дать сто очков его развалюхе «окленду».

– Так ты, говоришь, у Невинсов остановился? – спросила Джинджер.

– Ага.

– Ключи, дорогуша, – обратилась ассистентка к доктору.

– Я сам сяду за руль, – ответил Ханикат и вызывающе выпятил двойной подбородок. – Чувствую себя просто прекрасно, а потому...

– Я сказала: давай ключи. Ну, живо: ключи от машины и от гостиничного номера! – скомандовала Джинджер, держа раскрытую ладонь под носом у напарника. Она помолчала и прибавила: – Или ты уже запомнил про Литл-Рок?

Ханикат было запротестовал, но затем все-таки выудил из кармана ключи и вложил их в руку ассистентки. Она открыла багажник, бросила туда смятый халат, достала черную сумочку и показала Партлоу, куда грузить снадобья, что он тут же и сделал. В багажнике лежали картонная коробка, коричневое одеяло и канистра бензина. Захлопнув крышку, Джинджер задела Партлоу бедром, и тот дернулся, будто от удара током.

– Забирайся назад! – приказала она ему.

Доктор изумленно глянул на Партлоу и снова спросил:

– А это еще кто такой?

¹ От англ. «Pearly» – «жемчужный», «перламутровый». – *Здесь и далее примеч. ред.*

Когда все расселись по местам, Ханикат запустил руку под сиденье, достал серебристую фляжку, отвинтил крышку – в нос ударил аромат дешевого виски – и жадно припал губами к горлышку.

– Я был на вашем шоу, Док, – сказал Партлоу. – Чисто сработано.

– Хм-м, – промычал тот, не отрываясь от фляжки.

– Чем ты торгуешь? – поинтересовалась Джинджер и завела «паккард».

– С собой, – ответил Партлоу. – И еще Библиями.

– Погонщик мертвецов? Охотник за катафалками?

Мужчина с ангельским лицом ненадолго задумался и кивнул:

– Ну да, можно, наверное, и так сказать.

– Все с тобой ясно! – Она хрипло хохотнула.

Впереди замаячила гостиница Невинсов, но Джинджер даже и не подумала сбросить скорость.

– Эй! – воскликнул Партлоу. – Мы же только что...

– Не дергайся, Пэрли, мы немножко прокатимся.

У Партлоу упало сердце, но виду он не подал. Отлепив присохший к небу язык, он произнес:

– Слушай, Джинджер... У меня ничего нет. Вы только время зря потеряете...

– Ты слишком много болтаешь, – заметила блондинка, вырвала фляжку у доктора и сунула ее Партлоу. – Выпей и расслабься, Пэрли. Никто и не думал тебя грабить.

– Да что еще за Пэрли, к чертям собачьим? – нахмурился доктор Ханикат, пытаясь нащупать руками в воздухе исчезнувшую фляжку. – Кто такой, мать вашу, этот Пэрли?

– Тот, кто убьет тебя, дорогуша, – направляя «паккард» во тьму луизианской ночи, ответила Джинджер де ля Франс и снова хохотнула.

Глава 3

От неожиданности доктор закашлялся, а затем расхохотался. А вот сидевшему на заднем сиденье мужчине, который называл себя Джоном Партлоу, было совсем не до смеха. Сердце его сжималось от страха, потому что Джинджер не шутила.

«Паккард» промчался мимо гаража Генри Булларда, где тосковал приболевший «окленд» Партлоу, и покинул Стоунфилд, помчавшись по извилистой проселочной дороге на запад. Кругом царила крошечная тьма: светились только звезды на ночном небосклоне да оконца изредка попадавшихся фермерских домов.

– Притормози здесь. Я вернусь в Стоунфилд пешком, – сказал Партлоу, которому совсем не улыбалось напечатать на очередной Библии дарственную надпись «Дорогой Джинджер на память от любящего доктора Ханиката».

– Еще чего не хватало, – заартачилась блондинка. – Да где это видано, чтобы жены бросали таких фасонистых муженьков на произвол судьбы? Не говори ерунды, Пэрли.

– Что за игру ты затеяла?

– Просто захотела покататься, только и всего.

– Где моя выпивка? – спросил доктор и полез под сиденье. – Эй! Где, черт возьми, моя выпивка?

Партлоу постучал спутника фляжкой по плечу. Тот не сразу сообразил, что к чему. А затем, ухватившись дрожащими пальцами за фляжку, жадно отхлебнул.

«Похоже, Ханикат годится теперь только на то, чтобы стоять на сцене и декламировать, как попугай, заученную лекцию про секс, – подумал Партлоу. – И причиной всему выпивка, или возраст, или тяжелая жизнь... а может, и все сразу».

– Стелла? – спросил Ханикат, в очередной раз хорошенько приложившись к виски, и отер губы тыльной стороной кисти. – Где это мы?

– Какая я тебе Стелла? Я Джинджер.

– Кто?

– Вот видишь, Пэрли, с кем мне приходится работать? Днем я обхаживаю его, буквально кормлю с ложечки, а вечером даю бутылку – без нее он, видите ли, уснуть не может, – а с утра все повторяется. Говоришь, тебя впечатлило наше шоу? Эх, видел бы ты Дока раньше. Когда-то он и впрямь был хорош. А сейчас так поистерпался, что без слез и не взглянешь.

– Ясно. Ну так что, может, ты уже меня выпустишь? – спросил не терявший надежды Партлоу.

– Вряд ли, торгуя Библиями, ты получаешь большой навар, – словно и не заметив его вопроса, продолжала Джинджер, преодолевая длинный поворот дороги, бежавшей лесом. – На жизнь-то хватает?

– Хватает. Хотя работенка, чего уж греха таить, непростая, а порой даже опасная. Чуть что – и все сразу летит к чертям. Слушай, Джинджер, что бы ты там ни задумала, я пас. Зачем я тебе сдался?

– Просто нам обоим нравится твоя компания. Правда ведь, дорогуша?

– Чё-ё? – воскликнул доктор. – Какая еще, к черту, компания?!

– А я что говорила? – сказала женщина Партлоу так, будто Док согласился. – Когда мы ехали в город, я заприметила тут одну дорогу, она должна быть где-то здесь.

– Мне надо отлить, – объявил Ханикат. – Да что за фигня: столько времени едем и до сих пор не приехали в эту гребаную гостиницу?! Долго еще?

– Уже совсем скоро, – заверила его Джинджер. – Потерпи, дорогуша. Мы уже почти на месте.

У Партлоу упало сердце. Финальная часть представления ему совершенно не нравилась: беспомощность пугала и будила в душе ноющий страх.

– Ага, а вот и она, та самая дорога, – удовлетворенно произнесла Джинджер, сбавила скорость и свернула на грунтовку, вдоль которой плотной стеной высились черные деревья. Затем «паккард» взревел и снова помчался вперед, оставляя клубы пыли. – Надо же посмотреть, куда она ведет, – весело прибавила ассистентка доктора.

– Так гнать по грунтовке рискованно. Колесо пробьешь, – заметил Партлоу и сам устыдился предательски дрогнувшего голоса. – К чему рисковать?

– О, я обожаю рисковать! Риск – дело благородное! Правда ведь, дорогуша? – спросила Джинджер у Ханиката.

Доктор, не отрываясь от фляжки, хрюкнул в знак согласия.

Через несколько минут фары автомобиля выхватили из темноты развалины фермерского дома: крыша давно провалилась, а стены заросли бурьяном и осокой. Джинджер снова сбросила скорость. За окном проплыл разрушенный амбар, и по краям дороги опять вырос лес, все ближе подбираясь к «паккарду».

Когда грунтовка закончилась, молодая женщина затормозила и выключила зажигание. В салоне машины повисла тишина, только щелкал остывающий двигатель.

– Кажется, – сказала Джинджер, – дальше уже ехать некуда.

– Выпусти меня, – попросил Партлоу. – До дома я сам доберусь.

– Дорогуша, допивай виски! – скомандовала помощница доктору. – И пойдем прогуляемся.

Док опустил фляжку и озадаченно спросил:

– Почему мы не дома?

– У нас нет дома, – ответила блондинка. – Ты вроде отлить собирался? Делай свои дела, и поехали обратно.

– Слушай, – начал было Партлоу, но вдруг понял, что сказать ему нечего. – *Слушай...*

– Выбирайся, дорогуша! – скомандовала напарнику Джинджер. – Джунгли зовут!

– Да я ни черта не вижу! – завопил вдруг Ханикат. – Куда ты нас завезла?

– Господи помилуй, – воскликнула она, – ну прямо как дитя малое! Ладно, я помогу. Но даже не надейся, что я буду держать тебе пенис, пока ты мочишься!

Оставив фары включенными, Джинджер вытащила ключи из зажигания, подхватила черную сумочку и выбралась из машины. Положив сумочку на крышу «паккарда», она обошла автомобиль, помогла доктору открыть дверцу и обратилась к Партлоу:

– Давай уже покончим с этим поскорее! Пэрли, мне одной не справиться, я рассчитываю на твою помощь!

– Нет уж, дудки, – отозвался Партлоу, наклонил спинку пассажирского сиденья и вылез из автомобиля. С замиранием сердца он оглянулся на дорогу: темно, хоть глаз выколи. Стрекот ночных насекомых сводил его с ума.

– Дорогуша, пошевеливайся, – подгоняла доктора Джинджер. Ханикат оперся на помощницу, и они двинулись к лесу. Партлоу заметил, как левая рука женщины скользнула в сумочку: через мгновение грозно блеснул маленький револьвер. – Ну же, Уилли, дорогуша, я не хочу торчать тут до утра. Выбирай скорее место: все кусты твои!

– Да я могу прямо здесь, – произнес доктор заплетающимся языком и схватился было за ширинку, но Джинджер потянула его, увлекая в чашу справа от дороги.

– Какого... – сказал Партлоу и осекся. – Какого хера ты творишь? – В голову пришла совершенно невероятная мысль: эта парочка пытается одурочить его.

«По-хорошему, надо бы сейчас бежать без оглядки до трассы и ловить первую попавшуюся попутку, – лихорадочно соображал Партлоу. – Вот только у этой шальной бабенки не заржавеет шмальнуть мне в спину».

– Стелла, не надо меня держать, – заявил доктор и чуть не упал. Он успел схватиться за ствол дерева и тут же вскрикнул: – Черт! Я поцарапался! Ни зги не видно!

– Доставай уже свое хозяйство: помочиться сможешь и так, а об остальном мы с Пэрли позаботимся, – сказала Джинджер и отступила на шаг назад.

– Ноги моей не будет больше в Джорджии! – расстегнув ширинку, воскликнул доктор Ханикат, а затем, изумленно оглядевшись, поднял голову к звездному небу и спросил: – Пойдите-ка... А где это мы?

Партлоу, заметив мелькнувшее в свете фар лицо Ханиката, подумал, что в молодости тот был красавцем: в профиль доктор походил на актера Лайонела Бэрримора.

Прогремел выстрел. Насекомые смолкли, а Партлоу чуть не обмочился от ужаса. Док, вскрикнув, схватился за бок и упал в кусты. Несмотря на душераздирающие вопли, Партлоу по-прежнему мерещилась западня, но он никак не мог взять в толк, что за игру вела эта парочка.

Оказавшийся в кустах Ханикат тем временем тщетно пытался уползти в лес. С дымящимся револьвером в руке Джинджер подошла к «паккарду», открыла багажник, нашла фонарик, включила его, направила луч в лицо Партлоу и велела:

– Иди сюда!

– Я в этом не участвую, – ответил Партлоу дрожащим голосом.

– Да ну? – прищурилась женщина. – А я-то уж подумывала отдать тебе ключи от «паккарда»... Что ж, если ты не в деле, тогда нам и обсуждать нечего.

– «Паккард»? На кой он мне?

– А почему бы и нет? Отличный, почти новый автомобиль, все документы в бардачке... – Джинджер обернулась на вопль Ханиката, а через мгновение уже снова пристально смотрела на Партлоу. – Пэрли, ты же умный мужик, найдешь способ перебить документы. Как, кстати, твое настоящее имя?

– Джон Партлоу.

– Ну, это ты кому-нибудь другому будешь рассказывать. И все-таки?

– Джон Партнэр.

– Ха, – тихо усмехнулась Джинджер. – Это звучит еще менее правдоподобно, чем Партлоу.

– Джон Парр.

Некоторое время собеседница внимательно изучала его и наконец сказала:

– Похоже, имен у тебя даже больше, чем у меня. Как тебе, кстати, имя Пэрли? Пойдет? А какую фамилию ты укажешь в документах на «паккард», мне фиолетово. Так, держи фонарик выше: подрежем у Дока лопатник, пока все к чертям кровью не залило.

– Слушай, ты никак совсем с катушек слетела? Какого черта ты наделала? Ты ведь только что застрелила человека! Он же сейчас сдохнет прямо на наших глазах!

– Ай, какая плохая Джинджер – застрелила человека!

– Посмотрим, как ты запоешь на электрическом стуле! Садистка несчастная!

Джинджер невозмутимо уперла ствол револьвера себе в подбородок.

– Слушай, Пэрли, вот тебе информация к размышлению: я два года кряду моталась по всей стране с этим докторишкой. Пришла на замену его предыдущей помощнице, Стелле. Так вот, она всячески отговаривала меня ввязываться в эту авантюру, потому что Ханикат уже тогда дышал через раз. Конечно же, я не послушалась. Отправившись с ним на гастроли, я никак не ожидала, что буду нянчиться с этим шестидесятивосьмилетним стариканом, словно с грудным младенцем. С выступлениями Ханикат еще худо-бедно справлялся, но в остальном он был просто невыносим. Да на его гребаном чердаке оказалось столько летучих мышей, что сам граф Дракула наложил бы в штаны! А теперь скажи-ка мне, Пэрли. Ты, если я в тебе не ошиблась, аферист со стажем. Как бы ты предпочел закончить свою жизнь? Хотел бы на старости лет гнить в доме престарелых и пускать пузыри в тарелку супа? Или ссаться в кровать?

Не понимать, где ты и кто ты, пока тебе любезно не подскажут? Целые дни напролет давить идиотскую улыбку и наблюдать, как ползут стрелки часов, не догадываясь, какое нынче число и какой день недели? Или все-таки ты желал бы прожить жизнь быстро и ярко, как... – Тут Джинджер на мгновение задумалась. – Как Бонни и Клайд? Так накопить в этом гребаном мире, чтобы потом еще долго помнили, кто такой Пэрли!

Она навела револьвер на Ханиката, корчившегося от боли в кустах, и сказала:

– У Дока нет семьи. Взрослая замужняя дочка в Калифорнии не считается. Она даже не вспоминает о папаше. Если бы у Дока все было в порядке с кукушкой, то первое, чего он пожелал бы, – это свести счеты со своей никчемной жизнью. Что там в таких случаях говорят священники? Ты же продаешь Библии, носишь этот дурацкий зажим для галстука – кому, как не тебе, знать, что люди мечтают о счастливой жизни после смерти! О существовании гораздо лучше, нежели чем... – Джинджер замолчала, обвела взглядом лес, откуда доносились сдавленные рыдания доктора, и, презрительно усмехнувшись, закончила: – Чем все это!

– Ну да, – согласился Пэрли, усмехнувшись в ответ. – Ты еще копам расскажи про убийство из милосердия. Они тут же падут ниц и возведут тебя в ранг святых.

Невероятно, но Джинджер улыбнулась, и глаза ее просияли.

– Копы ни черта не смыслят в жизни, – парировала она.

Пэрли весь взмок: ночь была теплая, и пот ручейками струился по спине и крупными каплями наворачивался на лбу. Снова загудели и застрекотали насекомые. Они будто спрашивали: «Что-же-делать-делать-делать?»

– Посвети мне, – велела Джинджер и сунула фонарик ему в руку.

«Когда это я решил помогать ей? – размышлял Пэрли. – Может, после того пристального взгляда янтарных глаз?»

Эта женщина видела его насквозь. Видела в нем младенца, оставленного в корзинке из-под персиков на пороге церкви за пару часов до воскресной службы. Видела в нем мальчика с ангельским лицом, втянутого в водоворот бесконечно сменяющихся – одна хуже другой – приемных семей. Каким-то образом Джинджер знала и про бурю страстей, поднявшуюся вокруг него: как все пользовались сиротой для достижения своих корыстных целей. Знала она и какая волна разочарования захлестнула подростка, когда оказалось, что на всем белом свете до него нет дела даже могущественным ангелам и помощи в трудную минуту ждать неоткуда. Знала Джинджер и то, что юноше, превратившемуся в мужчину с множеством имен, никто и никогда не доверял: «Мама, не давай денег этому человеку». Она знала все это и понимала, почему он менял имена как перчатки. И конечно же, была в курсе, к чему привел этот маскарад длиною в жизнь: за душой у бедняги не осталось ничего, кроме тлеющих воспоминаний из детства. Перед Джинджер стоял мужчина, пытавшийся любой ценой выжить в этом суровом мире.

Прислушавшись к внутреннему голосу, Пэрли последовал за Джинджер. Сколько он себя помнил, этот голос, по всей видимости принадлежавший инстинкту самосохранения, всегда был с ним. Следуя его советам, мальчик, которого тогда звали просто Сонни, однажды украл блок дешевых сигарет, поштучно распродал их сверстникам за двойную цену и, прихватив вырученные деньги, сбежал из дома. Жизнь Сонни в Уэйкроссе, что в штате Джорджия, походила на ночной кошмар. Непрестанно кашлявшие старик и старуха рядили его в калеку, выдавали костыли и водили от одной сельской церкви к другой – собирать подаяния для несуществующего приюта «Дом бедных сироток». А по вечерам они приходили к его кровати: безумная сморщенная старуха, бешено вращавшая глазом и шамкавшая беззубым ртом, и белобородый старик, сипевший ему на ухо испитым голосом. Выдыхая пары виски, старик угрожал Сонни, что если тот не будет как следует разыгрывать инвалида, то его взгреют и в самом деле переломают ноги и руки. Мальчик чувствовал, что хозяин не шутит: рано или поздно и впрямь его изувечит. И вот однажды ночью, повинувшись внутреннему голосу, Сонни взял утюг, размозжил спящему старику голову, а закричавшей старухе, сперва кинув в глаза

пригоршню соли, проломил лоб. Умерли они или нет, Сонни не проверял. Живые или мертвые – на них у него совсем не было времени...

– Шестьдесят два доллара плюс мелочь: два четвертака, три монеты по десять центов, три – по пять и еще шестнадцать по одному. Недурно, – заключила Джинджер, подсчитав содержимое карманов Ханиката.

Доктор, барахтаясь в грязи, все пытался уползти, но тщетно.

– Я хочу половину. И еще «паккард». – Мужчина с ангельским лицом услышал голос своей новой личности по имени Пэрли.

– Да ну? Хочет он, подумать только! Вообще-то, Док задолжал мне за четыре шоу сорок баксов.

– Мне плевать. Половина денег и «паккард» в придачу.

Наклонив голову набок, Джинджер с интересом взглянула на Пэрли и облизнула нижнюю губу, словно пробуя слова на вкус:

– А ты не забыл, что револьвер у меня?

– Акт милосердия к ближнему – поступок очень серьезный. Поступок, достойный святых апостолов Господа Бога нашего Иисуса Христа. Поэтому раздели с голодным хлеб свой и ски-тающихся бедных введи в дом – и так далее, и тому подобное. Короче, пятьдесят на пятьдесят.

Сверкнув зубами в свете фонарика, Джинджер улыбнулась:

– Что ж, тогда заработай свою половину! – И протянула ему револьвер рукояткой вперед.

Пэрли с сомнением посмотрел на револьвер.

– Миссис Невинс предупреждала, что дверь закрывается ровно в десять тридцать, – сказала Джинджер. – Так что у нас нет времени канителиться, Пэрли, нужно делать все быстро. Мы же не хотим посреди ночи поднять на уши хозяев гостиницы? Кстати, вдвоем заявиться мы не можем: слишком подозрительно.

– Да ты точно спятила, если и в самом деле думаешь, что я буду в кого-то стрелять.

– Но не оставлять же его в живых! Пэрли, ты и сам все прекрасно понимаешь: это невозможно.

– Черт возьми, почему ты сразу не выстрелила в голову? А вдруг бы у него открылось второе дыхание, и что тогда? Ищи-свищи его потом по лесу!

– Звучит невероятно, но я бы не удивилась, – ответила Джинджер. – А в голову я не выстрелила, потому что еще по дороге сюда сказала: убивать будешь ты. И ты убьешь Дока, Пэрли. Прямо сейчас. Затем мы поделим деньги и вернемся в гостиницу. Она закрывается в десять тридцать, не забыл?

– Зачем вообще возвращаться в отель?

– Нам надо, чтобы Невинсы думали, будто Ханикат напился до беспамятства и блюет дальше, чем видит. Наверняка перспектива убирать всю ночь блевотину вряд ли придется им по душе. Я уверена: наши добрые хозяева очень обрадуются, когда узнают, что ночевать пьяный постоялец будет на заднем сиденье «паккарда» – это послужит нашим алиби. Не пойдут же они проверять, в конце концов! – воскликнула Джинджер и глянула на доктора. – Рано или поздно тело все равно найдут, но чем позже это случится, тем лучше. Теперь понимаешь?

Пэрли примолк: он понимал, что стоит на краю обрыва... С другой стороны, ему нравились приятная тяжесть револьвера, чувство превосходства над ползающим перед ним человеком и аромат обугленных роз, исходивший от соблазнительной женщины рядом.

– Погоди-ка минутку, я достану кое-что из багажника, – сказала Джинджер и убежала.

Вскоре она вернулась: в одной руке – одеяло, а в другой – канистра с бензином. Канистру она поставила на землю, а одеяло накинула Ханикату на голову, пояснив подельнику:

– Это чтобы не запачкать твой белый костюм.

– Откуда такие познания?

– Читаю криминальные романы. Ну все, стреляй! Пора выпустить летучих мышей с его чердака! Убивай одним выстрелом, а то тут кругом фермеры шастают.

– Это просто... просто безумие какое-то.

– Так надо, Пэрли. Вспомни: «паккард» и половина денег. Да мы еще одолжение Доку делаем, точно тебе говорю. Задержался он на этом свете. В любом случае его песенка спета.

– Безумие, – повторил Пэрли и в очередной раз подумал, что все это – старый добрый шантаж.

«Сначала заставят совершить преступление, а затем будут мною манипулировать. Патроны – холостые, кровь – краска из раздавленного пузырька. А после Джинджер и чудесным образом воскресший Ханикат встретятся и животы от смеха надорвут, вспоминая дурака по имени Джон Партлоу, вынужденного отныне и вовеки веков расплачиваться за...»

Пэрли выстрелил в накрытую одеялом голову.

Из дыры заструился дымок. Ноги Ханиката несколько раз дернулись, будто он побегал в объятия смерти. Затем все замерло и смолкло. В воздухе висел резкий запах пороха. На несколько мгновений воцарилась мертвая тишина, а потом снова загудели и застрекотали ночные насекомые.

Джинджер забрала у Пэрли фонарик, а он между тем наклонился и приподнял одеяло.

– Ему конец, – выглянув из-за плеча подельника, констатировала Джинджер и облегченно выдохнула.

Луч холодного света от фонарика выхватил из темноты зияющую чернотой окровавленную дыру в затылке Ханиката. Сердце у Пэрли выпрыгивало из груди, желудок нещадно крутило; только похажив по поляне туда-сюда, он почувствовал себя немного лучше.

– Эй, мы еще не закончили, – сказала Джинджер. – Пиджак и шляпу лучше снять: кинь их в «паккард». Надо раздеть Ханиката.

– Что сделать?

– Снять одежду, кинуть в багажник и выбросить в паре-тройке километров отсюда. Только смотри, аккуратней: машину не заляпай, да и сам не перемажься в крови. Затем мы... зажигалка есть? Если что, спички в бардачке.

– Зажигалка-то у меня есть, только вот на кой ляд она тебе?

– Обольем одеяло бензином, накинem ему на лицо и подожжем.

– Подождem? А это еще зачем?

Где-то далеко, за лесом, залаяла собака. Джинджер направила фонарик вверх, чтобы они могли лучше видеть друг друга.

– Мы должны сжечь его, – пояснила женщина так спокойно, будто речь шла о кучке мусора. – Ты же и сам все прекрасно понимаешь, – продолжала она, – мы спалим ему лицо, чтобы копы не опознали.

Мужчина с ангельским лицом смотрел на труп Ханиката и думал о щенятах, сгоревших на пледе, пропитанном бензином, и о том, что он уже давно не беспомощный ребенок на костылях.

– Ладно, – согласился Пэрли. – А так вроде неплохо вышло у нас, да? Как только ты вообще мне доверилась? Ведь я мог и не поехать. А вдруг бы я сдрейфил?

– Но не сдрейфил же. Я вижу людей насквозь. Знаю, чего они хотят и кто на что способен. Словом, знаю людям цену. Ты оказался именно тем, кого я искала, причем подвернулся мне в нужном месте и в нужное время: ну просто подарок судьбы.

Усмехнувшись, Пэрли даже хрюкнул от такой наглой лести:

– Да уж, свезло так свезло!

– Давай снимай пиджак и шляпу, чтобы не измазаться в крови. – Джинджер мотнула головой в сторону «паккарда». – Сейчас Дока разденем, а затем сожжем. С огнем будь осторожен. Лес очень сухой: и глазом моргнуть не успеешь, как запылает.

– Хорошо, – кивнул Пэрли, но с места не двинулся.

Он по-прежнему смотрел на труп Ханиката. Револьвер лежал в ладони как влитой и казался продолжением руки, хотя оружия Пэрли не держал давно, а стрелять в человека ему и вовсе не приходилось. Теперь он понимал, почему Бонни и Клайд не расставались с револьверами и дробовиками: они попросту наслаждались этим невероятным чувством превосходства над остальными. С оружием в руках Бонни и Клайд решали, кому жить, а кому умереть: они играли в богов.

– Часики тикают, – заметила Джинджер. – Нам надо поторапливаться.

«Нам?» – подумал удивленный Пэрли.

А Джинджер все повторяла: «мы», «нам», «нас». Никогда прежде Пэрли не был членом команды: он жил один, ел один, спал один и... работал всегда тоже один.

Пока не повстречал ее.

«Нам».

Пэрли вздрогнул, но причиной тому были не труп под ногами и не возникшая в воображении картинка, как дикие животные, привлеченные запахом мяса, глодают кости доктора Ханиката. Пэрли вздрогнул, ибо в нем что-то изменилось. Что именно, он пока и сам не понимал, но определенно испытывал совершенно новые ощущения. Так вздрагивают змеи, сбрасывая старую кожу. И Пэрли в то мгновение будто и в самом деле сбросил старую кожу и начал новое существование.

– Ну же, давай, – поторопила его Джинджер, но прозвучало это по-особенному – ласково. – И рукава засучи, чтобы не угваздаться.

– Хорошо, – ответил Пэрли.

Сжимая револьвер, он подошел к своему новому «паккарду». На душе странная легкость, а в мыслях – исключительная сосредоточенность. Пэрли осознал, что скоро – очень скоро, а может, даже прямо с этой самой минуты – его жизнь выйдет на совершенно иной уровень.

Глава 4

Пэрли лежал в постели, вглядываясь в растрескавшийся потолок, и дымил сигаретой. На прикроватном столике тускло светила лампа. Мужчина с ангельским лицом любил темноту, но сегодня она пугала его. Стрелки часов уже перевалили за полночь. Заснуть не получалось. Грохот выстрела, после которого череп доктора треснул, точно этот потолок, до сих пор эхом отдавался в голове.

«Для такой с виду страстной особы Джинджер – если это, конечно же, ее настоящее имя – невероятно хладнокровна, – размышлял Пэрли. Никогда прежде он не встречал женщины, способной полностью контролировать эмоции. – А как ловко она убедила меня, будто убийство – акт милосердия! Господи, я застрелил человека ради незнакомки, с которой общался едва ли тридцать минут!»

Он вспомнил разговор, который состоялся у них после убийства Ханиката.

– Если копы найдут труп и опознают доктора, – заметил Пэрли, деловито управляя своим новеньким «паккардом», – то тебя объявят в розыск. Твое имя указано на всех афишах.

– На афишах значится Джинджер де ля Франс, – отозвалась она. – Копы не будут разыскивать Лану Кей Райли.

– Так тебя зовут на самом деле?

– Нет. Но отныне будут звать так.

– А как твое настоящее имя?

У Джинджер вырвался не то смешок, не то хрип. Опустив боковое стекло, она выставила остренький локоток и будто бы подпихнула мир под ребра.

– Какая разница, Пэрли? Имена придумали, чтобы управлять людьми. И тут мы с тобой похожи.

– В смысле?

– Мы оба живем под вымышленными именами. Мы оба не желаем мириться с заведенным порядком, – ответила Джинджер.

Пэрли по достоинству оценил это наблюдение: ничего лучше он в жизни не слышал. Выждав, пока подельник усвоит крупицу ее мудрости, Джинджер сказала:

– Доедем до Невинсов – машину ставь на лужайке за гостиницей. Сначала зайдешь ты, а потом, минут через десять, появлюсь и я.

– Рискованно.

– Не дрейфь, сработает! Утром подкинешь меня до Шривпорта, высадишь на углу Тэксас и Эдвардс-стрит – на том и распрощаемся.

– И все? Вот так просто? – обдумав ее слова, усмехнулся Пэрли.

– Ага, проще некуда! – беззаботно отозвалась Джинджер, будто и не было никакого убийства.

И вот сейчас Пэрли лежал с тлеющей между пальцами сигаретой и сквозь сизый дым разглядывал канареечно-желтую наклейку «Не курить» на двери. Ключи от «паккарда» и бумажник с кругленькой суммой на комодке грели душу, однако никакой беззаботности, в отличие от Джинджер, он не чувствовал. Хотя, казалось бы, что еще нужно для счастья?

Невинсам он скажет, что доктор с ассистенткой подбросят его до Шривпорта. По пути в Шривпорт он заберет из «окленда» коробку с Библиями и сообщит Генри Булларду, что вернется за машиной через пару дней. Затем попросит Джинджер освободить водительское место в «паккарде», сам сядет за руль и довезет ее до Шривпорта.

«Действительно, проще некуда! – восхитился мужчина с ангельским лицом и тут же призадумался: – А не слишком ли все просто? – Он стряхнул пепел в стакан на прикроватном столике. – Миссис Невинс сочтет меня грешником, достойным геенны огненной, если узнает

про сигареты. Но какая, к черту, разница? Все равно завтра я дам деру. Старуха только обрадуется! А уж когда узнает, что и доктор с помощницей пакуют чемоданы, так вообще будет на седьмом небе от счастья».

– Пэрли, – попробовал он на слух свое новое имя. – А что, звучит неплохо!

«Пэрли так Пэрли! – размышлял он. – А в Стоунфилд я больше ни ногой. „Окленд“ заложу Булларду баксов за пятьдесят: это максимум, что можно выручить за такую развалюху... Черт! Сна ни в одном глазу! Вот же напасть!.. И все-таки это не убийство... – оправдывал он себя. – Все равно что пристрелить загнанную лошадь. Джинджер права: жизнь доктора угасла задолго до того, как его мозги окончательно превратились в кисель. Любой аферист в первую очередь полагается на смекалку и ловкость рук. Но если у мошенника изо всех щелей сыплется песок, то ради чего ему жить? Какой смысл? Нет, умирать в неизвестности никуда не годится! Надеюсь, когда я потеряю хватку, отыщется добрый самаритянин и вышибет мне мозги!»

Тот подлый выстрел Джинджер тревожил Пэрли: она могла ударить Ханиката револьвером по затылку, но нарочно выстрелила ему в бок и на корню пресекла споры о судьбе доктора.

Выбросив тело Ханиката, Джинджер велела своему подельнику ехать помедленнее. Вскоре они присмотрели проселочную дорогу, свернули на нее и оказались в глуши, куда едва ли ступала нога человека. Недолго думая, сообщники кинули вещи доктора под куст, аккуратно облили их бензином и подожгли. Разгоревшееся пламя Джинджер велела затоптать, что Пэрли послушно и сделал. Затем они вернулись в Стоунфилд и действовали, как условились.

Перекресток Тэксас и Эдвардс-стрит в Шривпорте, куда Пэрли завтра отвезет Джинджер, находился в паре кварталов от отеля «Дикси гарден» на Коттон-стрит.

«А что, если она останавливалась в том же отеле? – вдруг подумал Пэрли. – Не исключено! И как только мы не столкнулись нос к носу? С другой стороны, я в Шривпорте недавно, а Джинджер – мастер маскировки. В парике и фермерском платье я бы ее ни за что не признал!»

Где-то за окном одиноко ухнула сова, и звук этот взволновал душу Пэрли. Мужчина с ангельским лицом всегда чувствовал некую связь с ночными хищниками: он тоже был порождением ночи. Пэрли прекрасно понимал, что жить во тьме означало обрекать себя на жалкое существование, но выбирать не приходилось.

В дверь негромко постучали: тук-тук, тук-тук.

А затем послышался шепот:

– Открывай!

Раздеться Пэрли еще не успел: после ночного приключения он поднялся в номер, снял рубашку, скинул ботинки, зажег сигарету и улегся в постель. Пэрли встал, подошел к двери, выждал один удар сердца и отодвинул защелку замка. В красноватом полумраке коридора белело утомленное лицо Джинджер: глаза ввалились, будто демон сна не позволял ей смежить веки. Распушенные волосы струились вниз, окаймляя подчеркнутый тонкими бровями лоб, и ниспадали на бледно-лиловый халатик с вышитой над сердцем атласной розой.

– Так и будешь стоять столбом? – спросила Джинджер. – Смотри, что у меня есть. – Она подняла правую руку: сверкнула серебристая фляжка Ханиката.

Пэрли посторонился. Джинджер поставила фляжку и черную сумочку на комод. Затем вернулась и захлопнула дверь. Защелкнув задвижку, она обернулась и посмотрела на подельника, точно кошка на мышь.

– Не спится? – спросил Пэрли.

– Накопил, как в аду, – пропустив вопрос мимо ушей, недовольно произнесла она. – Даже в коридоре чувствуется.

– Очень хотелось покурить.

– Выпьешь? Тут еще пара глотков осталась.

– Почему бы и нет, – ответил Пэрли.

– Какой же дурак откажется от выпивки? – заметила Джинджер, взяла фляжку с комода и открутила крышку.

«Накачаться виски – неплохой способ заглушить грохот выстрела, до сих пор звеневший в ушах. Но есть и другой, более действенный способ забыться – заняться сексом. Тело, в отличие от мозга, угрызениями совести не мучается: с этой точки зрения смерть старого афериста не имеет никакого значения», – размышлял Пэрли, разглядывая соблазнительную женщину в тонком халатике.

Он взял фляжку и отхлебнул виски. Джинджер погладила его по руке, забрала фляжку, плотнула тоже и с усмешкой спросила:

– О чем задумался?

Пэрли пожал плечами: как будто и так не ясно. Однако решил разыграть простачка:

– Да так, ничего особенного. Думаю о том о сем.

– Короче, попусту тратишь время, – заключила собеседница.

В следующий миг Джинджер оказалась рядом: нет, она не набросилась на него, но набегала, точно зашипевшая волна прибоя на берег.

«Если бы в ее власти было стать со мной единым целым: просочиться внутрь, смешаться с кровью, поразить нервную систему, – она бы непременно это сделала».

Джинджер прижалась к Пэрли, обвила руками его шею и впилась в губы. Тело молодой женщины пылало: кровь, подобно огненной лаве, бежала по жилам и невыносимо обжигала. Срывая одежду, они повалились на кровать. Пружины взвыли, точно духовой оркестр, и разбудили, наверное, не только чету Невинсов и весь Стоунфилд в придачу, но и героического Сэмуэля Петри Бланкеншипа, давно почившего вечным сном.

Что такое нежность, Джинджер, похоже, не ведала: она не целовала, а беспощадно вторгалась в рот, орудуя губами и языком. Ее прошиб пот, и от этого аромат жженных роз вспыхнул ярче. Пэрли был уже на грани. Вдруг Джинджер, еще мгновение назад бывшая в экстазе, остановилась, перевела дыхание и сказала:

– Подожди... подожди...

Соскочив с партнера, она подошла к комоду и достала из сумочки тот самый револьвер.

Пэрли оцепенел, не в силах отвести взгляд. Следом она вытащила коробку с патронами, вытянула один, вставила в барабан, крутанула его и защелкнула. Прыгнув, как кошка, она вновь оказалась на любовнике. Лицо Джинджер лоснилось от пота, а глаза горели желанием.

– Стой! – прохрипел Пэрли. – Что ты...

– Держи! – скомандовала Джинджер, вручая ему оружие. – Давай! Вставь револьвер мне в рот, а затем хорошенько трахни!

– Что? – изумился он.

Джинджер одной рукой схватила Пэрли за волосы, а другой направила револьвер на себя.

– Я сказала: трахни меня! Сейчас же!

– Но...

– Взведи курок! Давай! Живее! – крикнула она.

Пэрли послушно взвел курок и положил палец на спусковой крючок.

«Лучше не сопротивляться, – подумал он, – а то вдруг еще револьвер выстрелит».

Обхватив губами ствол, Джинджер неистово заработала бедрами, а Пэрли всерьез перепугался, что при таком раскладе у него ничего не получится. К собственному изумлению, он обнаружил невероятное возбуждение: мысль, что от одного неловкого движения у Джинджер разлетится голова, превращала пенис в каменный столб. Секс втроем с заряженным револьвером – такого он никак не ожидал. Самый необычный опыт у него был в борделе Хьюстона. Тогда проститутка настояла на минуте с ириской во рту.

«До этой ночи, – вдруг понял Пэрли, – я не жил... и не трахался! Черт возьми, да она сейчас воспламенится!»

Джинджер вошла в раж. Бедра ее работали, как отбойный молоток, а пружины кровати с визгом вторили ритму. Жизнь Джинджер де ля Франс висела на волоске, а точнее, на кончике дрожавшего указательного пальца Пэрли. Револьвер так и норовил выскользнуть из потной ладони. От напряжения руку сводило судорогой.

«Один к шести, что мозги Джинджер окажутся на стене напротив... – подумал было Пэрли, но бешеная страсть туманила сознание. В голове кометой вспыхнула и погасла другая мысль: – Только близость смерти способна заставить человека жить по-настоящему».

Раздался утробный стон. «Должно быть, с таким звуком однажды разверзнется земля и откроются врата в ад...» – мелькнула очередная мысль, утопая в нараставшем со всех сторон звоне. Задрожали стекла, деревянные стены и пол. Здание дрожало вместе с Джинджер. В водовороте звуков и вибраций Пэрли не отдавал себе отчета в происходящем: хотелось разрушить наваждение и спустить курок револьвера. Услужливое воображение нарисовало яркую картину: вот гремит выстрел и красивая головка взрывается, разлетаясь кровавыми ошметками по углам комнаты. Пэрли сжал зубы, вскрикнул и толкнулся бедрами навстречу Джинджер де ля Франс, такой горячей внутри и холодной снаружи.

Зажмурившись и содрогнувшись, она выгнулась и дрожала до тех пор, пока грохот поезда, налетевшего на Стоунфилд, точно буря, не стих вдали.

А затем вынула револьвер изо рта и отвела руку любовника.

– Изголодалась? – спросил Пэрли, переводя дыхание.

– Не то слово. Секс у меня случается редко. Но если случается, то предпочитаю, чтобы все было как в последний раз.

Джинджер забрала револьвер, вынула из барабана патрон, подошла к комоду и убрала все в сумочку. Затем она вернулась в постель. Пэрли надеялся, что Джинджер прижмется, положит голову ему на плечо, но она легла, даже не коснувшись его.

Какое-то время оба слушали тишину и собственное дыхание.

– Сколько тебе лет? – вдруг поинтересовалась Джинджер.

– Тридцать два, – ответил Пэрли, поколебался и задал встречный вопрос: – А тебе?

– Тридцать четыре, – отозвалась Джинджер, ничуть не смутившись. – Женат?

– Нет, не довелось. А ты замужем?

– Была дважды.

– А дети есть?

– Нет! – воскликнула она и поморщилась, будто бы сама мысль о детях доставляла ей страдания. – Еще чего не хватало!

Пэрли помолчал, вслушиваясь в стук сердца, а затем спросил:

– Что это было? С револьвером? Тебя такое возбуждает?

– А ты разве не заметил? Еще скажи, будто сам не завелся.

– Завелся, – сознался он. – А если бы у меня вдруг палец дрогнул?

– Ну не дрогнул же. Ладно, так и быть, сейчас я тебе все разложу по полочкам. Во-первых, кто не рискует, тот не пьет шампанского. Во-вторых, умение держать себя в руках – бесценный навык. Что бы с тобой ни происходило, о чем бы ты ни думал, что бы ни делал, где бы ни был и с кем бы ни трахался, какая-то часть тебя всегда должна держать ситуацию под контролем. Как этого добиться? Очень просто: отстраниться и взглянуть на происходящее со стороны. Сегодня ночью... то есть сегодня утром, мне кажется, ты поймал это ощущение. Запомни его. Тебе пригодится.

– Пригодится для чего? – уточнил Пэрли.

– Ну, всякое бывает, – уклончиво ответила Джинджер. – Никогда не знаешь, что готовит день грядущий.

– Уже светает.

– Ага, – отозвалась она. – Вот и прекрасно. Чем раньше свалим из этого богом забытого местечка, тем лучше.

Пока Джинджер одевалась, Пэрли украдкой наблюдал, любуясь ее телом. Накинув халатик, она сказала:

– Теперь спать. Каждый у себя в номере. Встречаемся внизу в шесть тридцать. Не пропустишь?

– Нет.

– В шесть тридцать, – повторила Джинджер, взяла сумочку и прибавила: – Постарайся вздремнуть. Завтра ты нужен мне со свежей головой.

– Хорошо.

У двери она обернулась и нахмурилась:

– Долго еще собираешься гоняться за мертвецами?

– Согласен, с Библиями пора завязывать.

– А чем ты еще промышляешь?

– Сейчас больше ничем, – пожав плечами, ответил Пэрли. – Торговля Библиями шла бойко: на жизнь хватало. А так я всегда открыт для чего-то нового. Надо держать ухо востро, и обязательно что-нибудь да отыщется.

– Или кто-нибудь обязательно отыщет тебя, – подмигнув, сказала Джинджер и улыбнулась: – Ладно, до встречи! – С этими словами она отодвинула защелку и скрылась за дверью.

Некоторое время Пэрли лежал, вспоминая недавнюю близость, а затем встал, прихрамывая, дошел до двери и запер ее.

«Растрясла мне кости!» – подумал Пэрли.

Он вернулся в постель и, едва коснувшись головой подушки – эхо выстрела теперь гремело где-то далеко, – как тут же провалился в сон.

Пэрли проснулся и глянул на часы: без пятнадцати шесть. В бледно-розовом свете раннего утра он обнаружил, что ключи от «паккарда» исчезли. Однако этим неприятности не исчерпывались. Пэрли бросился одеваться, взялся за брюки и замер: на правой штанине краснели два пятна. Одно было небольшое: размером с пятицентовую монету. А второе, формой напоминавшее морского конька, просто огромное.

В ужасной спешке застегнуть рубашку удалось только с третьего раза. От злости лицо Пэрли побагровело, а плотно сжатые губы побелели.

«Скорее всего, – лихорадочно припоминал он, – ключики Джинджер прихватила, когда убирала револьвер. – Заглянул в бумажник: деньги на месте. – Удивительно, как эта чертовка еще не стырила лопатник?! Хотя пропажа бумажника сразу бросилась бы мне в глаза. Умна, что и говорить!»

Наконец Пэрли застегнулся – галстук и шляпу он решил оставить в номере, – зашнуровал кое-как ботинки и выскочил в дверь, на ходу надевая пиджак. Перед лестницей он остановился, поправил костюм, приосанился и продолжил спуск уже с подобающей его статусу steepностью.

– Доброе утро, – равнодушно поприветствовала постояльца Хильда Невинс. Стараясь выглядеть как можно строже, пожилая дама застегнула коричневый клетчатый халат на все пуговицы – так, что воротничок врезался в дряблую кожу двойного подбородка. – Рановато вы поднялись, – заметила она, метелкой смахивая пыль с керамических фигурок.

– Да, мэм, – отозвался Пэрли и улыбнулся, точно ангел.

Под этой ангельской маской мозг его буквально закипал, а мысли носились со скоростью света.

«Может, Джинджер еще здесь? Сумки, шляпка – хоть что-нибудь? – думал Пэрли, внимательно осматривая холл. – Ничего! Черт!»

– Позавтракать можете в кафе, – напомнила Хильда, с великой осторожностью обметая керамические безделушки, словно они были императорской коллекцией драгоценных камней.

– М-м-мэм, я, признаться, в некотором затруднении... – начал Пэрли, лихорадочно сообщая, как бы случайно себя не выдать. – Вчера доктор Ханикат и его ассистентка любезно обещали подвезти меня до Шривпорта, а сейчас... – Пэрли осекся: Хильда посмотрела на него так, будто бы знала про убийство доктора. – Похоже, их и след простыл, – собравшись с духом, закончил он.

– Эта дамочка, – голос Хильды Невинс был исполнен презрения, а яд буквально капал с желтых клыков, – подняла нас ни свет ни заря! Аж в четыре утра! Можете себе представить? Ей, видите ли, понадобилось проведать доктора: тот заночевал в машине из-за расстройства желудка. Сходя к доктору, она вернулась, сообщила, что ему по-прежнему нездоровится, расплатилась и засобиравшись в дорогу. Гровер вызвался помочь ей отнести сумки, но она отказалась: вещей, мол, немного. В общем, скатертью дорога! До сих пор голова болит от ее духов!

– Ясно... – просипел Пэрли, чувствуя, как на висках проступают капельки пота.

– Ах да! – воскликнула Хильда Невинс и укоризненно посмотрела на него темными совиными глазами. – С вас доллар штрафа за то безобразие, что вы учинили вчера в номере.

– Мэм? – удивленно спросил Пэрли.

– Вы курили! – воскликнула она, а в ее взгляде читалось: «Вы убили!» – Сигарету! И может, даже не одну! Поднимаюсь я, значит, наверх, чтобы проверить комнату дамочки, и что же вижу? Дым столбом, накурено в коридоре, хоть топор вешай! Будьте добры заплатить доллар сверху! А если вам вздумается покурить и сегодня, приготовьтесь раскошелиться!

– Ладно, – пробубнил Пэрли, едва ворочая языком. – Как скажете.

– Генри Буллард, кстати, уже должен быть в мастерской, – заметила Хильда и махнула метелкой в сторону телефона на черном полированном столе. – Телефонная книга в верхнем ящике. – С этими словами она вернулась к керамическим лошадам.

Буллард ответил после четвертого гудка:

– Нет, мистер Партлоу, пока, к сожалению, ничего. Жду вестей от поставщика из Шривпорта. Может сегодня, а может, завтра. Дам знать как только, так сразу! Лады?

– Лады, – с досадой ответил Пэрли, разглядывая кровавого морского конька на штанине. – Просто замечательные новости!

– Позавтракать можете в кафе, – еще раз напомнила Хильда, как только он положил трубку. – Начать день с плотного завтрака – что может быть лучше?

«Вот дерьмо», – подумал Пэрли, натянуто улыбнулся и сказал:

– Благодарю вас, мэм.

Мысль, что какая-то кровожадная потаскуха оставила его в дураках, просто убивала. Пэрли не представлял, как дальше жить с этим.

«Если я не найду Джинджер, не отомщу ей и не верну „паккард“, остается только застрелиться! Хотя нет, не дождется! Я ее из-под земли достану! – поклялся Пэрли себе и Богу, если тот, конечно, слышал его. – Нужна только какая-нибудь зацепка... и чистая одежда».

И тут Пэрли осенило.

– Миссис Невинс, – сказал он и встал так, чтобы скрыть пятна крови на штанине. Хильда, прекратив обметать керамических лошадок, повернулась к нему и вопросительно вскинула брови. – Смена одежды мне все-таки понадобилась. – Он смущенно улыбнулся и пожал плечами: «Мол, мы, путешественники, влачим нищенское существование и подвержены таким жестоким ударам судьбы, как сломавшийся в дороге автомобиль». – Есть тут неподалеку магазин?

– Разумеется. Наверняка вы вчера проходили мимо. Третье крыльцо от парикмахерской. Открывается в десять тридцать, – пояснила хозяйка гостиницы. И, глянув на его костюм, доба-

вила: – Но, боюсь, ничего подобного вы не найдете. Там в основном продается одежда для работяг: комбинезоны да рубашки.

– Всегда восхищался простыми работягами! С удовольствием примерю комбинезон, – ответил Пэрли.

– Тогда вам туда, – отозвалась Хильда, и Пэрли снова показалось, что она заметила пятна крови и обо всем догадалась. Но страх рассеялся, едва только он взглянул собеседнице в глаза. – Хочу вас предупредить, мистер Партлоу: держите ушки на макушке и следите за кошельком, не дайте этому пройдохе Винсенту Ли обжулить вас. Белоснежный костюм для Винса – все равно что красная тряпка для быка.

– Спасибо за предупреждение.

– Винс такой же гнилой, как и его братец-шериф, – припечтала Хильда Невинс, вновь отворачиваясь к безделушкам. – Они друг друга стоят.

Поднимаясь вверх, Пэрли осознал, что заявиться в заляпанном кровью костюме в магазин, принадлежащий брату шерифа, слишком рискованная затея.

«Пятна, может, не такие уж и большие, но появляться в окровавленной одежде на улице, в магазине или кафе опасно, – размышлял он. – До тех пор, пока Буллард не воскресит „окленд“, свалить из этого богом забытого места не получится. Черт! Уехать нельзя! Из гостиницы выйти нельзя! Так недолго и с голодудохнуть! Как же быть? Ага, знаю!»

В считанные мгновения в голове Пэрли созрел замечательный план, который он тут же привел в исполнение.

Глава 5

Наконец-то Пэрли разыскал дверь, за которой скрывалась Джинджер.

«Пять, шесть – крепче стисни крест», – подумал он, разглядывая потускневшие латунные цифры 5 и 6, и поднял руку, чтобы постучаться.

Пэрли сомневался, что Джинджер поможет крест: в аду ей наверняка уже приготовили тепленькое местечко. Но отправится она туда не раньше, чем он с ней покватится. Даже если Дьявол собственной персоной явится сейчас за грешницей, Пэрли заставит его подождать и понаблюдать за пыткой, которую он сам для нее приготовил.

Мужчина с ангельским лицом постучал.

«Раз... Два... Три... Пэрли в гости жди», – мелькнула у него мысль.

Он немного выждал, прильнул к двери и крикнул:

– Полиция Шривпорта! Мисс Уайли, мы знаем, что вы там! Немедленно открывайте! Бежать некуда: у пожарной лестницы вас караулят! Для вашей...

Щелкнула задвижка, и дверь распахнула девушка, невысокая и хрупкая. Если бы девушка не откликнулась на Уайли, то Пэрли, быть может, и вовсе не признал бы в ней Джинджер де ля Франс.

Первое, что бросилось ему в глаза, – перекрашенные в темно-рыжий цвет волосы. Одета она была в простое серое платье с синей оборкой. Из-под толстых линз очков в роговой оправе, какие могла бы носить какая-нибудь библиотечка, на Пэрли взирали знакомые до боли янтарные глаза. От броского макияжа и кроваво-красного маникюра не осталось и следа. Грудь тоже куда-то пропала: вероятно, Джинджер заковала ее в какой-то особенный лифчик. Сохраняя недюжинное самообладание, молодая женщина спокойно глянула на Пэрли, чуть вздернула подбородок, положила руку на талию и тихо произнесла:

– Долго же ты меня искал.

– Н-да? Что ж, я...

– Заходи, – пригласила его Джинджер. – У стен есть уши.

Восемь дней понадобилось Пэрли, чтобы разыскать Джинджер, и одиннадцатого августа он наконец-то нашел ее. Она поселилась на Тэксас-стрит, в отеле «Клементин», расположенном среди доков и складов на берегу грязной реки Ред-Ривер. Еще тридцать секунд назад Пэрли был полон решимости казнить обманщицу на месте, а теперь торчал посреди ее номера в полной растерянности и смотрел на захлебывающийся вентилятор, который перерабатывал раскаленный полуденный воздух, превращая его в освежающие потоки.

Джинджер де ля Франс – по мнению Пэрли, это имя гораздо больше подходило ее артистической и чертовски заносчивой натуре – закрыла за ним дверь. Затем женщина обернулась, прижалась спиной к двери и уставилась на незваного гостя. Слышно было лишь, как тикает секундная стрелка часов. На реке прогудел буксир. Пэрли по-прежнему стоял посреди комнаты в нерешительности. Гулко стучала в висках кровь. Он выследил ее с одной лишь целью – отомстить... ну и вернуть «паккард». Пэрли не раз представлял эту встречу, и воображение рисовало ему совершенно другую картину: он вламывался в номер, хватал предательницу за волосы, бил – может, даже по лицу, – в общем, делал все, чтобы впредь она знала свое место. Пэрли вполне устроило бы, если бы Джинджер после парочки пощечин, рыдая, упала на колени и взмолилась о пощаде: «Я лживая, лживая сука! Я и мизинца твоего не стою».

«Да, это меня полностью устроило бы», – подумал Пэрли.

– Я как раз собиралась сделать болонский сэндвич. Ты будешь? – прервав молчание, спросила Джинджер.

Пэрли готов был услышать что угодно, но только не это.

«Если бы у этой чертовки были яйца, – подумал Пэрли, – то они наверняка волочились бы за ней по полу».

– Я сыт еще тем дерьмом, которым ты накормила меня в Стоунфилде, – ответил он.

Джинджер пожала плечами:

– Как хочешь. А я пообедаю. – И прошла мимо него к плите в углу кухни.

Она выглядела совершенно невозмутимой, как будто ни убийства, ни предательства и в помине не было. Пэрли так и вспыхнул. Он двинулся к ней, хотел схватить за волосы и показать, кто тут хозяин, как вдруг Джинджер, словно прочитав мысли, развернулась, пристально посмотрела ему в глаза и поинтересовалась:

– Ты сменил амплуа? Темно-синий костюмчик, белая рубашечка, черный галстук и черная федора – вы только посмотрите на этого детектива, мать его, Трейси!² Кстати, голос твой я узнала сразу же. А вот как ты прошмыгнул мимо Тэдди – это для меня загадка. – И, заметив его замешательство, Джинджер пояснила: – Портье внизу. Бдит денно и ночью. Ну так что, объяснишь?

«Влепить бы ей затрещину! Чтобы кровь из губ по стенам! Посмотрим тогда, как запоеет! Сразу вся спесь слетит! – внутренне распалялся Пэрли. – И об пол не мешало бы красавицу хорошенько приложить! Пускай знает, как со мной связываться!»

Но вместо того, чтобы дать затрещину, рука сама потянулась в карман за бумажником. Пэрли открыл бумажник и помахал полицейским значком с номером пять-один-один.

Джинджер присвистнула:

– Ого! И дорого он тебе обошелся?

– В сотню баксов. Хозяин ломбарда приторговывает в подсобке. Правда, уговорить его оказалось весьма непросто.

– Лихо! Ну так что? Сэндвич хочешь?

– Чего я действительно хочу, так это выбить из тебя всю дурь и вернуть «паккард».

Джинджер хохотнула и подошла к холодильнику. Этот смешок чуть не стоил ей всех зубов. Она выложила на стол болонскую колбасу, завернутую в коричневую бумагу, чиркнула спичкой, зажгла конфорку и произнесла:

– Кстати, насчет «паккарда»: я спасла твою задницу.

– Да ну?

– Ага! Еще спасибо мне скажешь! Неужели ты думаешь, что смог бы безнаказанно разъезжать на автомобиле мертвого доктора Ханиката? – Джинджер достала из ящика нож и твердой рукой принялась нарезать колбасу. – Так сколько тебе кусков?

– Хватит уже мне зубы заговаривать! – возмутился Пэрли.

– Три куска мне, три тебе. Ах да... чуть не забыла. Вон там конвертик на полке шкафа, видишь?

Пэрли оглянулся: у стены стоял темно-коричневый книжный шкаф. На верхней полке лежала книга, а на ней – конверт.

– Давай, хватай! Смелее, он не кусается! – хмыкнула Джинджер и кинула колбасу на шипящую сковородку.

Поглядывая с опаской на Джинджер, мужчина с ангельским лицом подошел к шкафу. На конверте мелким аккуратным почерком значилось: «Для Пэрли». Он взял конверт и краем глаза прочитал название книги: «Загадки человеческой психологии», сочинение доктора Морриса Фонроя.

– Открывай уже, – велела Джинджер и, как будто забыв про него, полезла за чем-то в холодильник.

² Имеется в виду детектив Дик Трейси – главный герой серии комиксов Честера Гулда.

Пэрли надорвал конверт. Внутри обнаружились деньги: двадчатки, десятки... Пересчитал купюры: ровно триста долларов.

«Может, фальшивые? – усомнился он. – Да вроде нет: бумага, цвет – все как полагается. Не похоже на подделку».

– Как и договаривались: половина тебе, половина мне. Я продала «паккард» за шесть сотен и честно с тобой поделилась, да еще и шкуру твою спасла.

Пэрли не знал, что и сказать. Наконец он выдал:

– Я потратил целых сто баксов на этот гребаный значок! Да только за это тебя следовало бы хорошенько отделать!

– Попридержи-ка лошадей, Пэрли. Две сотни чистой прибыли – хорошие деньги. А значок еще пригодится. Как насчет горчицы? Я люблю поострее. А ты?

– А я... я думаю, что ты чертова психопатка.

– Это еще почему? – улыбнулась Джинджер. – Многие люди предпочитают острую горчицу! Что ж, они, по-твоему, все психопаты?

Пэрли совсем растерялся. Дерзкие ответы Джинджер и целая куча денег в конверте окончательно сбили его с толку. Она вернулась к болонской колбасе, а Пэрли меж тем осмотрел ее номер. По сути, это была одна просторная комната с кроватью, убирающейся в стенной шкаф. За распахнутой узкой дверью виднелась ванная, сверкавшая черно-белым кафелем. Закрытая дверь рядом, вероятно, вела в туалет.

«Неплохо! От личной ванной я бы тоже не отказался», – подумал Пэрли, припоминая отель «Дикси гарден», где душ был один на весь этаж.

Кругом царили чистота и порядок. Мебель не новая, но и не потрепанная. В углу добротный радиоприемник. На полу бордовый, еще не вытоптанный ковер. Что ни говори, а эта женщина, кем бы она ни была – Джинджер де ля Франс или Ланой Рэй Уайли, – жила хоть и не богато, но очень даже ничего. Пэрли считал себя чисто плотным малым, но вынужден был признать, что в данном случае Джинджер его перешагнула.

– У тебя проблемы со зрением? – спросил Пэрли.

– Это не линзы, а обыкновенные стекла, – ответила Джинджер. – Я тут провожу кое-какой эксперимент.

– Эксперимент? Небось затеяла аферу под названием «Школа секретарш»?

– Не-а, – отозвалась Джинджер и больше ничего не сказала, продолжая колдовать над колбасой. Спустя несколько секунд она прибавила: – В холодильнике кувшин со сладким чаем. Достань, пожалуйста. Стаканы в навесном шкафчике справа.

Услышав это, Пэрли чуть было не расхохотался, но затем быстро взял себя в руки. Он пришел сюда полный праведной ярости, собираясь примерно наказать предательницу, а чем в итоге занимается? Разливает чай к обеду! Но самое безумное – это его устраивало, а ведь еще полчаса назад Пэрли хотелось хорошенько накомылить Джинджер за все, что он пережил по ее милости. Вспомнить хотя бы тот спектакль, что Джон Партлоу устроил в гостинице у Невинсов: пришлось кубарем скатиться с лестницы, а затем разыгрывать растянувшего лодыжку неудачника.

«О нет-нет, миссис Нэвинс, я не думаю, что это перелом, но болит ужасно! Кажется, сегодня я не хожу. Господи боже, вы только посмотрите на брюки! Без новых мне теперь точно не обойтись! Как думаете... Мне, право, очень неудобно, но вы бы меня просто спасли... Что, если я попрошу вашего мужа об услуге: дам денег, скажу размер, а он сходит и купит мне брюки? Я с радостью накину доллар за беспокойство. Миссис Невинс, я клянусь: больше никаких сигарет! Нет-нет, врача вызывать не надо! Уверен: со мной все будет в порядке, вот только отлежусь маленько... Думаю, я даже в состоянии добраться до комнаты самостоятельно... Ох, спасибо вам!» Закончив монолог, он взглянул на Хильду Невинс: на лице ее читались сомнения. Пэрли захотелось хорошенько врезать старухе по зубам, но он сдержался. Гровер все-таки

дошел до магазина, купил рабочий комбинезон необъятных размеров, а затем принес еще и ужин: рагу и крекеры из кафе. В общем, с той неприятной ситуацией Пэрли худо-бедно справился.

– Если бы ты только знала, что мне пришлось пережить из-за твоей выходки, – сказал он Джинджер, возившейся у плиты. – Я прозябал в том клоповнике еще четыре дня. А потом заглянул в кафе, где услышал новость: чья-то охотничья собака нашла в лесу обгоревшую одежду. И все бы ничего, вот только обугленный костюмчик показался охотнику уж слишком хорошим: «Жилетка, и все такое».

– Хм, – отозвалась Джинджер. – А ты не забыл, что я попросила тебя разлить чай?

Раздался слабый свист: из легких Пэрли, точно из воздушного шарика, вышел воздух. Он сделал вид, будто не расслышал. А Джинджер, обнаружив, что гость застыл посреди комнаты как истукан, поджала губки и язвительно спросила:

– Ну а сейчас-то маленькому мальчику полегчало? Ведь всё уже позади.

– Господи боже, – только и произнес Пэрли.

– Хватит стоять столбом! Давай-давай, пошевеливайся! Если остаешься на обед, будь добр: сними шляпу и пальтишко. Желания трапезничать в компании детектива, мать его, Трейси, у меня нет.

К собственному удивлению, он подчинился и покорно двинулся к шкафчику со стаканами.

«Что это? Дар убеждения?» – начал было размышлять Пэрли и вдруг застыл как громом пораженный: получается, что Джинджер ждала его.

– Откуда ты знала, что я разыщу тебя? – спросил он, разглядывая ее затылок.

– А я и не знала, просто не пыталась скрываться. Помнишь, я ведь даже сказала тебе свое новое имя. Конечно же, оно слегка трансформировалось, но иначе было бы совсем неинтересно, правда?

– Ерунда какая-то, – пробормотал Пэрли. – Неужто ты и впрямь не пыталась от меня прятаться?

– Положить тебе сэндвич на тарелку? Или салфетки будет достаточно?

– Обойдусь салфеткой. Джинджер, может, объяснишь, что это за кошки-мышки?

– Лед в морозилке, – промурлыкала она. – Хлеб в хлебнице. Не заморачивайся всякой ерундой, Пэрли! Живи настоящим моментом!

Она обернулась, сняла очки и сверкнула искренней улыбкой, в одно мгновение преобразившей ее. Перед ним стояла не хладнокровная психопатка, а простая девушка-продавщица, не подозревающая, насколько жестоким может быть окружающий мир. Джинджер выглядела такой невинной и красивой, что перед глазами Пэрли возникла яркая картинка, как он с букетом цветов дожидается эту девушку-продавщицу после окончания смены в магазине. Потрясенный, он застыл на месте, дивясь новой, изменившейся до неузнаваемости Джинджер. По его телу вдруг пробежала нервная дрожь. Прекрасный мираж на миг подернулся дымкой, и Пэрли обнаружил себя на краю зыбучих песков, посреди пустыни под названием Джинджер.

В этот момент Пэрли едва не выскочил за дверь.

«Да гори оно все синим пламенем! И этот „паккард“, и месть, и все остальное!» – думал он.

А Джинджер, словно прочитав его мысли, отвернулась к плите и вкрадчивым голосом произнесла:

– Как насчет двухсот тысяч долларов?

«Беги», – сказал себе Пэрли, но с места не сдвинулся.

– Что молчишь? Ты не ослышался. – Джинджер спокойно переворачивала шипящую в масле колбасу.

Отлепив пересохший язык от нёба, Пэрли наконец-то ответил:

– Если ты собралась ограбить Федеральный банк США, то я пас.

– Речь не про банк, да там все равно и денег-то таких нет, – пожала плечами Джинджер. – Ну что, колбаса готова. Где хлеб?

Они уселись за маленький круглый стол у окна и принялись за сэндвичи. Пэрли все ждал, что Джинджер сообщит ему свой новый план, но вместо этого он услышал рассказ про поездку в Новый Орлеан: про причудливую старинную архитектуру, балкончики из кованого железа и про то, как здорово однажды было бы поселиться на берегу Миссисипи, потому что Ред-Ривер, со своим бесконечным потоком судов и грязью, его собеседницу совсем не устраивала.

– Ты все это время проверяла меня? – неожиданно даже для самого себя спросил Пэрли. – Ты хотела посмотреть, как я справлюсь, да?

Джинджер глотнула ледяной чай, подставила лицо под освежающие струи вентилятора и ответила:

– Да.

– Убийство Дока тоже было частью проверки?

– Это было необходимой мерой. Рано или поздно Ханиката пришлось бы убрать. Работать с ним стало небезопасно. Док трепал языком направо и налево. – Джинджер звякнула кубиком льда в стакане и с улыбкой прислушалась к звуку, похоже пробудившему у нее какие-то приятные воспоминания. – Если тебе хочется, то можешь считать убийство Дока испытанием. Только ты переступил порог «Элкс-Лодж», как я сразу смекнула, кто передо мной. Догадаться было нетрудно... Знаешь, я почти уверовала, будто ты очередной незадачливый жулик, пытающийся прыгнуть выше головы. Только слепой идиот не распознал бы в тебе афериста! Но есть и хорошие новости для тебя: похоже, в этом мире полно слепцов и глупцов! А потом... когда ты с такой легкостью помог нам улинуть после представления, я подумала: «А этот малый, кажется, не без таланта». И тогда-то я и решила посмотреть, на что ты способен.

– Проверить, способен ли я убить человека?

– Способен ли ты думать. Если помнишь, я очень азартная. Я поставила на тебя.

– Ну и как? Выиграла?

Джинджер доела сэндвич, слизнула горчицу с указательного пальца и сказала:

– Ладно, к делу. Выгляни в окно: куда будет клониться солнце через несколько часов?

Пэрли поднялся из-за стола и посмотрел в окно. Он обвел взглядом залитые ярким солнечным светом склады, доки, лениво плескавшуюся Ред-ривер и ответил:

– Ну, солнце будет садиться за горизонт, как обычно. Что дальше-то?

– Во время заката оно будет прямо над крышей вон того склада. Что написано красной краской на стене? Читай.

– «Люденмер», – вслух прочитал Пэрли. – И?

– Ты не слышал про Джека Люденмера?

Он отвернулся от солнца, слепившего глаза, и заметил:

– Звучит как название леденцов от кашля.

– Ха, – отозвалась Джинджер, – не смешно!

Она уставилась на него и несколько секунд не отрывала взгляда, внимательно изучая. Пэрли показалось, что она хочет забраться ему в голову. Пронзительными янтарными глазами Джинджер в очередной раз пыталась его прочитать и решить, на того ли поставила. Затем она встала, прошла в туалет, сняла с верхней полки металлическую шкатулку, вернулась и плюхнула ее на стол между запотевшими стаканами. Когда Джинджер откинула защелку и подняла крышку, Пэрли увидел внутри пачку газетных вырезок.

– Джек Люденмер, – начала просвещать напарника Джинджер, – открыл судоходную компанию здесь, в Шривпорте, около пятнадцати лет тому назад. Построил склад, купил несколько барж: справлялся отлично, но вскоре Шривпорт и Ред-Ривер стали для него мелковаты. Он поднял ставки: собрал денег и уехал попытать счастья в Новый Орлеан. – Она взяла одну

газетную вырезку, развернула ее и показала Пэрли. Заголовок гласил: «Компании Люденмера достался завидный контракт». – Он только что получил от правительства контракт на перевозку строительных материалов для Гражданского корпуса охраны окружающей среды³. Эксперты из журналов «Форбс» и «Фортуна» оценили сделку в миллион долларов, – многозначительно добавила Джинджер и продолжила: – Помимо этого, я узнала много другой полезной информации. Представившись секретаршей исполнительного директора строительной компании «Рэндольф», якобы расположенной в городе Талса, штат Оклахома, я прошупала почву и расспросила местных дельцов: мило улыбнулась тут, махнула хвостом там – и готово!

– А, так вот к чему весь этот маскарад, – сообразил Пэрли. – Хорошо, предположим, у Люденмера и в самом деле куча бабок. Очень рад за него. Но при чем тут мы?

Джинджер снисходительно улыбнулась, свернула газетную вырезку и убрала ее в шкапулку.

– У Люденмера двое детей: десятилетняя дочь Нилла и восьмилетний сын, которого родители называют Маленький Джек, поскольку у пацана с отцом одинаковые имена. Что, если мы, так сказать, присмотрим за ребяташками? А за работу няньками попросим вознаграждение: по сто тысяч долларов за каждого из отпрысков.

Пэрли озадаченно замолчал, невольно вслушиваясь в гул вентилятора.

– Я уже кое-что придумала, – продолжала Джинджер вкрадчивым, но в то же время настойчивым голосом. – Конечно же, надо все хорошенько обдумать, но мне кажется, что у нас получится. Читал когда-нибудь «Нью-Йорк таймс»?

– Двести тысяч – это же целая куча денег, – услышал откуда-то издалека Пэрли свой голос.

– Я тут зашла в библиотеку и покопалась в газетных архивах, – не обращая на него внимания, продолжала Джинджер. – Так вот, в «Нью-Йорк таймс» частенько публикуют списки похищенных людей, благополучно воссоединившихся со своими семьями. И там не одна и не две фамилии! Это же просто эпидемия, черт побери! Но что самое интересное, в их статьях не говорится о сумме выкупа. Газетчики замалчивают эту информацию, чтобы не давать преступникам пищу для ума.

– Значит, эту замечательную идею тебе подкинула редакция «Нью-Йорк таймс»?

– Ага, я вот уже пятый месяц сплю и вижу, как разбогатею на киднеппинге. А потому, заметив огромные красные буквы «Люденмер», сразу задалась вопросом, а точнее, двумя: кто такой и откуда дровишки? В общем, выяснила все про дела Люденмера, про его семью и узнала, что в Новый Орлеан он переехал еще до рождения первенца. А перед тем как мы с Ханикатом отправились на гастроли, я увидела в газете новость о том самом сверхприбыльном контракте, и меня осенило: да это же как раз то, что надо! – сказала Джинджер, и ее янтарные глаза вспыхнули в лучах заходящего солнца. – А помнишь малютку Линдбергов? Так вот, сначала похитители потребовали пятьдесят тысяч долларов, а затем одумались и увеличили сумму до семидесяти тысяч. Поэтому двести кусков за двух сопляков Люденмера – цена вполне справедливая. Уверена, через полгода он снова будет на коне!

– А что, Люденмер за детьми совсем не смотрит? – спросил Пэрли с легкой усмешкой. – И телохранителей у него тоже нет? Думаешь, магнат скромно отойдет в сторонку и будет наблюдать, как мы похищаем его сопляков среди бела дня?

– Никто и не говорит, что будет легко, – задумчиво ответила Джинджер. – Но ты взгляни на это под другим углом: люди постоянно пропадают. Значит, кто-то постоянно получает за них выкуп. Почему бы и нам не похитить кого-нибудь? Мы просто обязаны попробовать! Если

³ *Гражданский корпус охраны окружающей среды* – программа государственного трудоустройства безработных в рамках «Нового курса» президента США Рузвельта, действовавшая в 1933–1942 гг. и направленная в основном на сохранение природных ресурсов.

вдруг что-то пойдет не так, забросим эту идею и смоемся. А представь, если все выгорит: это же целая куча денег! Что нам стоит придумать план, похитить сопляков, получить бабки и рвануть в Мексику? А от деток избавимся по дороге! Просто рассмотри это как вариант. Ну же, Пэрли, не будь таким, – тут она начертила в воздухе квадрат, – ограниченным!

– Говоришь, избавимся от деток по дороге? – переспросил Пэрли. – Так же, как мы избавились от Ханиката?

– Нет! Черт возьми, нет! Получим бабки и просто оставим детей где-нибудь на обочине. Живыми. Но обязательно в таком месте, где подмога подоспеет не сразу: подальше от телефонных аппаратов, чтобы успеть пересечь границу с Мексикой.

Джинджер вскочила со стула, положила руки Пэрли на плечи и пристально посмотрела ему в глаза: чем дольше она вглядывалась, тем ярче разгорались огоньки в янтарных радужках.

– Я и в самом деле проверяла тебя, – вкрадчиво сказала молодая женщина. – И бросила тебя в Стоунфилде с кучей проблем не просто так: хотела посмотреть, как ты себя поведешь. Я верила, что ты разыщешь меня... Вернее, очень надеялась на это. Ты мог нанять частного сыщика, но тебе хватило ума не делать этого. Ведь пришлось бы все ему выложить. Конечно, для такого, как ты, выдумать историю – плевое дело, но сыщик мог заподозрить неладное. А еще... Я знала, что ты захочешь отомстить мне. Отыскав меня, ты проделал огромную работу! Подумать только, раздобыл полицейский значок! Ты прошел испытание! Ты справился! – Джинджер погладила Пэрли по груди и пристально посмотрела ему в глаза. – Мне нужен надежный напарник, который поможет составить идеальный план похищения. Конечно же, нам предстоит потрудиться, но вместе мы обязательно справимся! Одна голова хорошо, а две лучше. Двести тысяч баксов, Пэрли! Ты только вслушайся в эти слова! Другого такого шанса в жизни может и не представиться! И знаешь что? Мы нужны друг другу. И ты, и я – мы оба это прекрасно знаем.

– Слушай, Джинджер, мне совсем не улыбается гнить двадцать лет в тюрьме... – начал было Пэрли, но она приложила палец к его губам:

– Ш-ш-ш! Еще раз прошу тебя: взгляни на это под другим углом. Ну подумай: почему другим удастся выйти сухими из воды, а у нас вдруг не получится? Да эти похитители, господи боже, да они же все просто тупые! Они рядом с нами даже не стояли: почитай газеты и убедись сам. Ты пойми, одной мне не справиться. Сомневаюсь, что ты сможешь торговать своими несчастными Библиями двадцать лет кряду. И даже не пытайся меня переубедить!

Пэрли молчал. Отвечать не было смысла. Ответ был написан у него на лбу, и Джинджер давно уже все прочитала. Разбогатеть на распухших от солнца Библиях в белых подарочных футлярах ему и в самом деле не грозит. Однажды Пэрли даже как-то приснилось, что его положили в точно такой же белый футляр и похоронили.

А Джинджер продолжала гнуть свое:

– Быть может, это наш единственный шанс, Пэрли. – С этими словами она придвинулась к нему еще ближе. – Ты и я... Для начала прощупаем почву и, если все пойдет как надо, возьмем да и провернем это дельце!

– Мне кажется, ты готова начать действовать прямо сейчас.

– Мне и впрямь не терпится, однако торопиться ни к чему. Необходимо хорошенько обдумать каждую деталь.

Пэрли в растерянности уставился в пол, прислушиваясь к ее мерному дыханию.

– Покажи-ка мне значок, – попросила Джинджер.

Пэрли открыл бумажник и продемонстрировал ей значок. Джинджер забрала бумажник и, поднеся значок к свету, несколько секунд внимательно рассматривала его под разными углами.

– Настоящий? – уточнила она.

– Вроде как.

– С историей?

– Не знаю. Просто полицейский значок за сотню баксов.

– Хм, выглядит очень натурально, – сказала Джинджер, закрыла бумажник и вернула его Пэрли. – Ну так что, – спросила она нараспев, – ты в деле?

Пэрли ответил не сразу: мысли лихорадочно крутились в голове.

«Неужели я способен на такое? – думал он. – Лучше бы, конечно, отказаться от этой безумной затеи. Но, черт возьми, двести тысяч долларов – это звучит заманчиво. Невероятная сумма! Но стоит ли вообще пытаться?»

– Ты упомянула про дело Линдбергов. Однако имей в виду: у нас совершенно иной случай. Детки Люденмера – это тебе не какие-то там младенцы! Их так просто не сграбастаешь! Наверняка спиногрызы будут брыкаться и орать.

– Разумеется, будут. Именно поэтому и надо похитить их так, чтобы не поднять всех вокруг на уши.

– Ну что же, флаг тебе в руки.

– Нам необходимо придумать надежный план, только и всего, – настойчиво сказала Джинджер. – Риск есть, не спорю. Но, Пэрли, я уже устала еле-еле сводить концы с концами. С меня хватит такой жизни. Наверняка ты тоже намаялся будь здоров. Пэрли, мы оба с тобой талантливы и должны объединить свои усилия. Я не переживу, если узнаю, что какие-то бездарные простачки похитят сопляков Люденмера и сорвут куш! – Джинджер помолчала, а затем ее янтарные глаза снова вспыхнули, и она прибавила: – А знаешь, это ведь может сработать!

– Что может сработать?

– Ну же! Включай голову, детектив Трейси! Что, если представить дело так, будто еще кто-то задумал украсть его отпрысков?... – Джинджер коварно улыбнулась. Буквально через мгновение ее лицо превратилось в непроницаемую маску, и она серьезно спросила: – Так ты в деле?

– Убьешь меня, если я откажусь?

– А как бы ты поступил на моем месте?

– Сумасшедшая, – пробормотал Пэрли. Несмотря на все сомнения, мыслями он был уже в Мексике.

«Имея сотню кусков, я заживу на широкую ногу, – размышлял Пэрли. – Мексика просто идеальное место для мужчины – с женщиной или без нее, – чтобы скрываться от властей, тратить нажитое и никогда не оглядываться назад. Сто тысяч баксов! Да разве кто-нибудь, кроме жуликоватых дельцов, их банкиров и отчаянных аферистов вроде Джинджер, мог помыслить о подобных деньгах? Пляж... белый песок... У ног плещется прозрачная вода... Вдалеке на волнах покачивается рыбацкая лодка... За спиной на холме вила из камня... А деньги в сейфе ждут не дождутся, когда их потратят...»

Видение рассеялось, и Пэрли снова оказался в номере отеля «Клементин», напротив захлебывающегося вентилятора и женщины, предлагавшей совершить преступление, на которое он сам никогда бы не осмелился.

– Хорошо, я в деле. Но сразу предупреждаю: если мы вдруг упрямся в стену, напролом я действовать не буду.

– Если мы вдруг упрямся в стену, я обязательно что-нибудь да придумаю – найду лазейку, не переживай, – успокоила его Джинджер.

– Ладно, там видно будет.

– Ну что, стало быть, мы теперь сообщники? – Она вопросительно вскинула бровь.

– Ага, – рассеянно отозвался Пэрли, вновь замечтавшись о берегах Мексики.

Джинджер кивнула и унесла шкатулку с газетными вырезками на место.

Затем она пошарила рукой под одеялом и извлекла маленький, но грозный револьвер тридцать восьмого калибра, отправивший Ханиката на тот свет.

Джинджер крутанула револьвер на указательном пальце, вставила патрон и сказала:
– Это надо отметить!

Глава 6

«Она обманула меня», – эта мысль преследовала Пэрли всю дорогу из Шривпорта в Новый Орлеан и за два дня пути длиной в семьсот километров чуть не свела его с ума.

Пэрли и Джинджер сидели на деревянной скамейке центрального железнодорожного вокзала «Юнион-стейшн» на Южной Рампарт-стрит и молчали, вдыхая неповторимые запахи этого места. Огромные лопасти двух вентиляторов у них над головами медленно вращались, перемалывая тяжелый воздух, пахнувший озоном, табачным дымом и едкими испарениями химикатов, которыми надраивали черно-белые мраморные плитки.

«Воздух наэлектризован, точно перед грозой, – подумал Пэрли. – Наверное, всему виной эта непрекращающаяся вокзальная суматоха. А может, так пахнут поезда после долгих перегонов?»

За аркой, ведущей к перрону, как пчелиный улей, гудела толпа, а на путях, где стояли угрюмые паровозы, что-то постоянно лязгало и с грохотом падало. Носильщики – негры в красных фуражках и темно-синих мундирах с золочеными пуговицами – сновали туда-сюда, помогая пассажирам с багажом.

«До чего у них все четко, точно в армии, – размышлял Пэрли, покуривая сигарету. – Даже тот дед, похоже родившийся еще в Гражданскую войну, выглядит живчиком и всегда готов прийти на помощь остальным».

Захрипел громкоговоритель, и певучий мужской голос объявил о прибытии экспресса из Мемфиса. Они с Джинджер ждали другого поезда. Пэрли раздавил сигарету в темно-коричневой пепельнице и тут же закурил вторую. Он не проронил ни слова с тех самых пор, как они добрались до вокзала. Наконец Джинджер не выдержала и спросила:

– Ты по-прежнему на меня злишься?

Решив помучить ее еще немножко, Пэрли ничего не отвечал. Он с неподдельным интересом наблюдал за носильщиком, толкавшим тележку, доверху нагруженную чемоданами. За носильщиком вразвалочку шли джентльмены в белых костюмах и соломенных шляпах. Следом за джентльменами семенили ухоженные, словно сошедшие со страниц глянцевого журнала, хохотушки-дамочки, без умолку щебетавшие о предстоящем путешествии.

«Как же так? – недоумевал Пэрли. – Экономика страны на дне, а эти, понимаешь ли, вовсю шикают!»

Богачи Нового Орлеана мириться с жарой не хотели, каждое лето они паковали чемоданы и стаями мигрировали на север страны. Пэрли искренне пожелал, чтобы поезд сошел с рельсов и похоронил всю эту развеселую компанию, так и благоухавшую новенькими хрустящими долларами, под грудой искореженного раскаленного металла.

Некоторое время он сидел и смаковал возникавшие в разгулявшемся воображении картинки, а затем его мысли переключились на погоду. Жара, установившаяся во второй половине августа, была просто невыносимой. Пэрли казалось, что если и есть ад на Земле, так он здесь, в Новом Орлеане. Ни дуновения ветерка, ни намек на прохладу. Миссисипи, напоминавшая бесконечный поток грязи, едва отражала лучи солнца. Залезть в реку означало верную смерть: охладить она вряд ли могла, а вот сжечь плоть вокруг костей – это пожалуйста. Поездка из Шривпорта в Новый Орлеан должна была стать увлекательным путешествием, но изнуряющая жара все испортила, несмотря даже на то, что в путь Пэрли и Джинджер отправились на комфортабельном «форде». Автомобиль обошелся им в сто долларов, которые они взяли из той суммы, что выручили за продажу «паккарда». Джинджер убедила Пэрли, что новая машина – на самом деле это была модель 1930 года выпуска с четырьмя цилиндрами и пятью тысячами километров пробега на одометре – для успешного воплощения плана им просто необходима. «О человеке судят по автомобилю», – сказала она. Пэрли эти слова пришлось по нраву,

и сделка состоялась. Заодно сбыли с рук и «окленд». Его оценили в двадцать долларов, что, по сути, было очень даже неплохо. А черный седан «форд» выглядел и вправду замечательно: ни вмятин, ни царапин.

Пэрли переменил позу, окинул взглядом блестящее чистотой здание вокзала, выпустил колечко дыма и с вызовом произнес:

– Может, и злюсь!

– Возьми себя в руки, – убедившись, что их никто не слышит, заявила Джинджер. – Хватит уже дуться. Ну что ты в самом деле, как маленький!

– Какого черта! – так резко воскликнул Пэрли, что у его спутницы испуганно дрогнули губы. – Какого черта ты ни словом не обмолвилась про третьего, а? Ты же говорила, что двести кусков мы поделим пополам!

– Мы и так их поделим. Парень не в доле, он получит только небольшое вознаграждение! Без него мы все запорем! – оправдывалась Джинджер.

– Откуда мне знать, что на уме у этого деревенщины? А может, я не хочу с ним работать?

– Ты должен мне доверять. Я делаю это ради успеха нашего предприятия... – возразила Джинджер и примолкла: мимо прошел долговязый носильщик, толкавший тележку с багажом, и проплыла пожилая чета. Затем она наклонилась к Пэрли и прошептала: – Нам нужен помощник! Мой племянник – парень надежный да плюс ко всему еще и сильный! Если это тебя утешит, то с Донни я связалась только после того, как обо всем условилась с тобой. Ты, конечно, можешь и дальше ныть, но Донни нам просто необходим.

– Лично я в этом сомневаюсь, – усмехнулся Пэрли.

– Донни будет нам хорошим подспорьем! – воскликнула Джинджер, выхватила у собеседника сигарету, затянулась и выпустила дым через ноздри. – Размер его вознаграждения мы обсудим чуть позже. Но поверь мне, Пэрли, ты не пожалеешь!

– А все подробности плана, как я понимаю, ты отправила племянничку телеграммой, да? Чтобы каждый встречный-поперечный оценил твой замысел во всей красе.

– Не говори ерунду. Я же не дура, в конце концов! «Донни, приезжай, для тебя есть работенка» – вот какую телеграмму он получил. Да он даже своей матери, моей родной сестре, лишнего не сболтнет.

– Похоже, вы уже не раз работали вместе.

– Конечно работали! А иначе я и не позвала бы его. Как я уже и сказала, Донни будет нам хорошим подспорьем, – повторила Джинджер, еще раз затянулась и, блаженно улынувшись, вернула сигарету Пэрли.

– А твоя сестричка тоже промышляет аферами?

– Может, и промышляет. Но в это дело я ее впутывать не буду. У нее и так хлопот полон рот.

– Судя по всему, у вас та еще семейка, да? – спросил Пэрли, затягиваясь.

– А ты, можно подумать, благородных кровей! – парировала Джинджер и вдруг схватила его за щеку и заворковала: – У-тю-тю-тю! Милому маленькому мальчику не понравилось, что большая плохая Джинджер взяла в дело еще одного пособника... И теперь бедняжка возмущенно дерет глотку, совершенно не понимая, что тетушка Джинджер действует ему же во благо...

– Прекрати немедленно! – огрызнулся Пэрли и убрал ее руку.

Джинджер захихикала: все это напомнило ей «Утиный суп», популярную комедию с участием братьев Маркс.

У Пэрли от возмущения кровь закипела в жилах. Он уже раскрыл было рот, чтобы устроить Джинджер сцену, как снова захрипел громкоговоритель и певучий мужской голос объявил, что поезд из Джексона прибывает на второй путь.

– А вот и мой любимый племянничек! – воскликнула Джинджер. Она хихикнула, потрепала своего спутника по щеке и поднялась со скамейки.

Пэрли тоже встал, но напарница положила ему на плечо руку и велела:

– Лучше жди нас здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.